

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРИЯ И РЕСПУБЛИКА

КАК ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ПОДАРИЛИ ФРАНЦИИ КАНАДУ
• НАПОЛЕОН И ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИИ • ЗАОКЕАНСКИЕ
АВАНТЮРЫ НАПОЛЕОНА III • ТЕМНОЕ ДЕЛО ФЕРДИНАНДА
ДЕ ЛЕССЕПСА • ДЕ ГОЛЬ И РЕФОРМИРОВАНИЕ «ЗАМОРСКОЙ ФРАНЦИИ»

Загадки истории (Фолио)

Валентина Скляренко

**Французская империя
и республика**

«Фолио»

2017

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Скляренко В. М.

Французская империя и республика / В. М. Скляренко —
«Фолио», 2017 — (Загадки истории (Фолио))

ISBN 978-966-03-7918-3

История существования французской колониальной империи насчитывает без малого шесть столетий. Ее зарождение началось еще при короле Франциске I (1494–1547), а распад завершился во времена нынешней, Пятой республики. И этот огромный период, насыщенный войнами и революциями, изобилует многочисленными загадками и тайнами. Так, исследователей ставит в тупик то, что произошло при Наполеоне I, который потерял значительную часть французских колоний. Почему это как будто и не волновало императора? И из-за чего попытка его племянника Наполеона III расширить колонии за счет стран Латинской Америки практически привела к краху империи в самой Франции. Не все гладко с колониями было и у Франции-республики: то англичане и американцы «отжимали» у нее построенные с таким трудом и приносящие огромные доходы каналы, то в колониях вспыхивали мятежи и восстания, которые в конечном итоге практически привели к полному распаду французской колониальной системы. О тайных причинах всех этих событий и рассказывает наша книга.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-966-03-7918-3

© Скляренко В. М., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Открывая тайники французской истории	7
Как искатели приключений подарили Франции Канаду, или Для чего могут пригодиться авантюристы и священники	10
Первые французские экспедиции	11
Поиски пути в Китай, легендарное королевство Сегенея и фальшивые бриллианты	12
Самюэль де Шамплен – отец Новой Франции	16
Был ли предателем белый гурон Этьен Брюле?	18
Превращение Канады в королевскую колонию	22
Искатели вечных сокровищ: роль церкви в освоении Канады	25
Неудачная попытка отца Лежёна	26
Кем были канадские миссионеры?	28
Святой покровитель Канады	29
Трагедия Акадии	31
Ла Саль: несостоявшийся губернатор Луизианы	34
Падение Квебека	38
Наполеон и французские колонии, или Почему его называют могильщиком первой французской колониальной империи	43
По следам Александра Македонского, или зачем Наполеон отправился в Египет	44
О загадочных «свиданиях» с мумиями и «силе фараонов»	49
Как «египетский мираж» обернулся триумфом	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Валентина Складенко, Ирина
Рудычева, Мария Панкова
Французская империя и республика**

© В. М. Складенко, И. А. Рудычева, М. А. Панкова 2017

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2017

© Издательство «Фолио», марка серии, 2007

* * *

Открывая тайники французской истории

За полторы тысячи лет бурной, порой драматичной истории Франции на долю двух существовавших в ней империй приходится всего лишь около 30 лет, а республиканский период немного не дотягивает до двух веков. А вот «продолжительность жизни» французской колониальной империи насчитывает без малого шесть столетий. Ее зарождение началось еще при короле Франциске I (1494–1547), а распад – во времена нынешней, Пятой республики. Этот огромный период, насыщенный войнами и революциями, как никакой другой изобилует многочисленными загадками и тайнами. Некоторые из них удалось раскрыть только в наши дни, другие же так и остаются лежать в тайниках истории. Но, как говорил великий Виктор Гюго, «тайна – та же сеть: достаточно, чтобы прорвалась одна петля, и все расплывается». Вот и попробуем разорвать хоть несколько петель.

Известно, что чем дальше от нас уходят события прошлого, тем труднее найти факты и документы, чтобы восстановить или объяснить происходившее. Так и в истории с открытием французами земель в Северной Америке. Особенно много загадочных страниц было вписано ими в освоение Канады и Луизианы. И связаны они не только с именами первопроходцев – капера Жака Картье, исследователя Миссисипи Рене-Робера Кавелье Ла Салля, путешественника и гидрографа Самюэля де Шамплена, заслуженно названного «отцом Новой Франции». Не менее удивительна и загадочна судьба так называемого «белого гурона» Этьена Брюле, которого соотечественники сочли предателем, а могущественное индейское племя удостоило доверия и почитания. Немало интересных фактов связано и с деятельностью священника-иезуита Жана де Бребефа, признанного святым покровителем Канады, а также других канадских миссионеров.

Но остаются еще вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. В частности, почему Новая Франция значительно отставала по развитию от английских поселений, что привело к трагедии поселений на землях Акадии, и в чем состоит главная причина падения Квебека.

Эпоха правления Наполеона I по праву считается самой изученной историками. Однако и в ней остаются «белые пятна». С повестки дня наполеоноведов по-прежнему не сходит вопрос: зачем Наполеон отправился в Египет? И чем дальше от хронологии этого события, тем больше он собирает самых невероятных ответов и предположений. В их числе и совершенно мистические: о существовании некой «силы фараонов» и поиске будущим императором тайных знаний.

Наполеона I справедливо называют могильщиком первой французской колониальной империи, поскольку за годы его правления многие владения, входящие в нее, им были утрачены. Но при этом как-то не учитывается тот факт, что в результате наполеоновских войн им была создана масса так называемых «дочерних республик» в Европе, которые, по сути, превратили в его колонию весь континент. Поэтому, на наш взгляд, эти вассальные государства, находившиеся в полной зависимости от Франции, по праву можно считать своеобразными жертвами «колонизации по-наполеоновски».

Немало загадок связано с участием Наполеона в решении судьбы таких заморских владений Франции, как Гаити и Луизиана. Исследователям удалось обнаружить неизвестные доселе факты о расставленной императором тайной политической «паутине» против Туссена-Лувертюра, а заодно и понять причины, по которым он не отдал его под суд. А вот версии смерти Черного консула и судьбы его сыновей по-прежнему остаются до конца не выясненными. Не менее интересны и подробности о так называемой «сделке века» – продаже Соединенным Штатам Америки Луизианы. Ведь в результате этой многоходовой операции Наполеону пришлось решать не только финансовые и политические вопросы, но и проблемы, возникшие в собственном семействе. А вот главная загадка в истории Мартиники связана не с императором, а с его

супругой Жозефиной, которая якобы уговорила его вернуть на родной остров рабство. Мнения историков на этот счет отрицательные, а вот сами жители Мартиники почему-то по-прежнему считают ее виновной.

Не отставал по части загадок от великого дядюшки и его менее талантливый, но не менее честолюбивый племянник – Наполеон III. Все его политические искания, путь к власти и череда новых наполеоновских войн носили исключительно авантюрный характер. А какие авантюры без загадок? Некоторые из них не раскрыты поныне. Взять хотя бы то, как он оказался в роли «освободителя» Италии и какое участие в этом принимала очаровательная графиня Вирджиния ди Кастильоне. Или историю о том, как мексиканская авантюра разбила мечты Наполеона III о создании вассальной «Латинской империи».

Со временем правления Наполеона III связано и так называемое «темное дело» французского дипломата, юриста и инженера Фердинанда Мари, виконта де Лессепса. Его можно смело назвать сплошной загадкой, так как обвинение в мошенничестве на строительстве Панамского канала было предъявлено узкому кругу людей, связанных с возведением самого сооружения и организацией его финансовой компании. Между тем, осталась безнаказанной целая армия высокопоставленных чиновников, непосредственно занимавшаяся хищениями средств. Со временем удалось выяснить не только весь круг виновных лиц, но стоящих за ними кукловодов, а также какую роль сыграл в этой афере века главный инженер стройки Филипп Бюноварилья. А еще приоткрылась завеса над причастностью к Панамскому предприятию Великобритании и США, которым очень не хотелось отдавать этот «лакомый кусок» французам. А пришлось бы – и вот почему. Хотя канал строился на территории страны, де-юре не являвшейся французской колонией, после реализации столь крупного экономического проекта она фактически попадала под влияние и контроль со стороны Франции. Таким образом, уже к концу XIX века Французская колониальная империя постепенно переходила к неокOLONIALИЗМУ, сменяя военные захваты территорий экономическими.

В XX веке, ознаменовавшемся небывалым ростом национально-освободительного движения, перед Францией со всей остротой встала алжирская проблема. Доныне ни политики, ни историки, ни широкая общественность не могут прийти относительно этого события к однозначному ответу: одни называют его революцией, другие – арабо-французским внутренним конфликтом, третьи – войной. Но главный вопрос заключается в том, кто за этим стоял? Какова роль в этом кровавом восьмилетнем противостоянии двух стран различных военных и политических группировок, отдельных политиков, военачальников и даже целых государств? Говоря другими словами, кто являлся его тайными пружинами? Сегодня, когда мир узнал об алжирских событиях немало подробностей и фактов, ответы вроде бы получены. Но они такие разные и противоречивые, что сложить из них единый пазл не получается. Но материала для размышлений на страницах этой книги можно найти немало.

По-разному оцениваются и решения, принимавшиеся по алжирской проблеме президентом Франции Шарлем де Голлем. Одни обвиняют его в сдаче национальных интересов в Алжире и оставлении на произвол судьбы «франко-алжирцев»; другие ставят в упрек согласие (принятое якобы под давлением военных) на проведение военной операции, принесшей большое число жертв; третьи считают, что единственным выходом из ситуации могло стать разделение алжирской территории по этническому признаку. Эти споры и поиски истины продолжаются уже больше полувека, и конца им пока не видно.

Между тем одним из свидетельств правоты де Голля относительно предоставления Алжиру независимости явился неизбежный распад во второй половине XX века всей мировой колониальной системы. В этой ситуации де Голль предпринял несколько попыток реформировать «заморскую Францию». Не все из них оказались эффективными, но ему все-таки удалось создать инновационную для того времени модель неокOLONIALНОЙ политики. Однако

Франции сегодня пришлось столкнуться с новой, необычной проблемой – «колониализмом наоборот». Кто и как сумеет ее решить, покажет время.

Еще два века тому назад Франция была блистательной колониальной империей, обладающей огромными территориями, приносившими ей немалые средства. Характеризуя ее, известный специалист в области истории Франции П. П. Черкасов писал: «Колониальная империя Франции была плодом длительной колониальной экспансии, продолжавшейся несколько столетий, начиная с эпохи Великих географических открытий. К середине 40-х годов XX в. Франция располагала второй по величине (после Британской) колониальной империей. Ее территория составляла 12 млн км² (то есть в 22 раза превышала территорию Франции), а численность проживавшего на этой территории населения составляла 70 млн (почти вдвое больше, чем в метрополии)».

Сегодня и размеры французских владений поскумнее, да и население в них поубавилось. Вот полный перечень остатков «колониального наследия» современной Франции, приведенный историком Т. Н. Гончаровой: «От некогда обширной колониальной империи на сегодняшний день во владении Франции остались по преимуществу островные территории, а также континентальная Гвиана. Со статусом заморских департаментов и регионов – Гвиана, Гваделупа, Мартиника, Реюньон, Майотта из группы Коморских островов (с января 2011 г.). Со статусом заморских сообществ – Сен-Бартелеми, Сен-Мартен, Сен-Пьер и Микелон, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия. И, наконец, заморские административно-территориальные образования с особым статусом: острова Клиппертон, Новая Каледония, Французские Южные и Антарктические земли (архипелаг Кергелен, острова Крозе, острова Сен-Поль и Амстердам, Земля Адели, Разбросанные острова (iles Eparses)). Всего 13 территорий, общая сумма площадей которых составляет 559 655 км². И это без учета Земли Адели (127 655 км²), ибо международное сообщество оспаривает территориальные права Франции на этот сектор в Антарктике. К тому же многие другие территории, унаследованные Францией от ее некогда обширной колониальной империи, оспариваются разными нациями. Население заморских владений Франции составило 1 млн человек в 1962 г., 2 млн к концу XX в., и 2,5 млн к 2013 г.»

Это ли не свидетельство справедливости изречения мудрого француза Андре Моруа: «Царства, империи поднимаются и падают, как волны».

Как искатели приключений подарили Франции Канаду, или Для чего могут пригодиться авантюристы и священники

*Никто не бывает равно предусмотрительным, задумывая план и
приводя его в исполнение.*

Фукидид

С момента открытия Америки европейские державы соревновались между собой за право поделить только что открытые земли. Хроники экспедиций, отправленных монархами Англии, Португалии, Испании, Франции, могли бы занять не один десяток томов. Это было бы невероятно увлекательное чтение, ведь в то время на историческую сцену выходили талантливые самоучки, бесстрашные авантюристы, отважные военные. Очень часто победы оборачивались поражениями, а поражения приводили к головокружительным успехам. А порой в ход истории вмешивался случай, и даже самые дальновидные политики не могли предугадать его отдаленные последствия.

В истории освоения Канады есть немало интересных и загадочных страниц. Как выбор места основания колоний повлиял на отношения с племенами индейцев? Почему Новая Франция значительно отставала по развитию от английских поселений? Каким образом девятнадцатилетнему юноше удалось завоевать доверие могущественного племени? Это лишь несколько вопросов, которые возникают при знакомстве с попытками Франции основать колонию на североамериканском континенте.

Первые французские экспедиции

Французский король Франциск I считал открытие и приобретение новых земель одной из важнейших государственных задач. Поэтому неудивительно, что он живо интересовался новостями из-за Атлантического океана. К моменту, когда Франциск I издал указ о снаряжении официальной экспедиции к новым землям, в Северной Америке успело побывать немало французов.

Чаще всего первооткрывателями новых земель становились люди, которых привлекала возможность выгодной торговли. До наших дней дошли сведения о нескольких успешных плаваниях французов: в 1504 г. купец из Гонфлера Бино Польмье де Гонвиль на единственной каравелле доплыл до берегов Бразилии, а в первой половине XVI столетия берега Ньюфаундленда регулярно посещали рыболовецкие суда и целые флотилии из Руана, Гавра, Сен-Мало, Гонфлера и Дьеппа.

Однако самый большой вклад в открытие и освоение новых земель было суждено внести не мирным торговцам или рыбакам, а каперам – пиратам, состоявшим под покровительством французской короны. Франция, находившаяся в состоянии постоянного соперничества с Испанией, нередко захватывала суда, возвращавшиеся с богатой добычей из Нового Света. В то время на море гремела слава знаменитых искателей приключений братьев Пармантье, Пьера Криньона и Жана Флэри. Опытные моряки были великолепно осведомлены о течениях и господствующих ветрах, а потому король Франциск I использовал их не только для пополнения казны, но и для разведки. Кроме того, монарх пользовался услугами иностранных мореплавателей, охотно поступавших на службу.

Известно, что в 1524 г. он поручил флорентийцу Джованни Верраццано провести разведку новых земель, и тот успешно вернулся с докладом, описав восточный берег Северной Америки от Северной Каролины до Ньюфаундленда. Интересно, что некоторые историки выдвинули оригинальную версию, по которой под именем знатного итальянца скрывался знаменитый корсар Жан Флэри (Флорин). Установить истину уже невозможно, однако в пользу официальной версии говорит тот факт, что итальянец был убит туземцами на Антильских островах в 1528 г., а пират был схвачен испанцами и повешен на год раньше – в 1527-м. В 1970 г. историком Л. Роутом было окончательно доказано, что Флэри по крайней мере трижды оказывался в разных местах с Верраццано. Первый случай произошел в марте 1524 г., когда корсар захватил корабль испанцев у Канарских островов, а Верраццано, судя по документам, подошел к берегам Северной Америки. Второй доказанный случай относится к 1526 г., третий – к 1528-му.

Достижения флорентийца касались не только описания вновь открытых берегов. Он первым сообщил о «внутреннем море» в Северной Америке и первым из исследователей предположил, что это – крупный континент, не имеющий сообщения с Китаем. В докладе Верраццано указано: «Эта земля, или Новый Свет... не соединяется ни с Азией, ни с Африкой (в этом мы уверены). Может быть, она соединяется с Европой через Норвегию или Россию. Этот континент, по-видимому, расположен между восточными и западными морями и служит им обоим границей». Тем не менее, исследователи продолжали недооценивать размер Северной Америки и часто изображали ее в форме узкой полосы земли. Исследования необходимо было продолжать, и вскоре нашелся человек, который мог этим заняться. Он также входил в число каперов, и звали его Жак Картье.

Поиски пути в Китай, легендарное королевство Сегенея и фальшивые бриллианты

Историю жизни Жака Картье трудно назвать безоблачной. Он родился в 1491 г. в Сан-Мало, какое-то время был лоцманом, завел семью. Некоторые историки предполагают, что Картье был участником экспедиций Джованни Веррацано и получил во время плавания немало информации о путях плавания в Северную Америку. Во всяком случае, именно сведения об участии в путешествии к острову Ньюфаундленд и Бразилии стали лучшей рекомендацией, когда аббат Жа ле Вёньер представил мореплавателя королю Франциску I. Тем не менее, изучая материалы о плавании Веррацано, исследователи не обнаружили ни одного упоминания имени Картье. Так что до сих пор остается загадкой, бывал ли мореход в Новом Свете до своей первой экспедиции.

В то время заокеанские земли были очень слабо изучены, так что французский монарх, как и сам Картье, искренне считал, что за островом находится пролив, который обеспечит короткий путь в Индию и Китай. Правителей интересовали новые источники доходов, а прямой путь мог стать серьезным преимуществом перед другими морскими державами. Как бы то ни было, целью первой экспедиции был именно поиск новых торговых маршрутов и открытие богатых золотом и драгоценными камнями островов.

20 апреля 1534 г. Картье отправился в путь. В состав его экспедиции входили два корабля. На преодоление океана ушло 20 дней, и мореходы увидели перед собой остров Ньюфаундленд. Побережье выглядело не слишком гостеприимным: сплошные камни и очень мало плодородной земли, так что в отчетах предводитель экспедиции описал остров как землю, которую Бог отдал Каину.

15 июня экспедиция повернула на юг, чтобы заняться исследованием новых земель. За время плавания были пройдены острова Мадлен, остров Принца Эдуарда и Роше-оз-Уазо, где команда пополнила запасы продовольствия, зарезав около тысячи бескрылых гагарок. Картье приходилось действовать практически вслепую: проход в Индию и Китай мог находиться в любом месте побережья. Так что он посвятил немало времени исследованию залива Шалёр, а затем – залива Гаспе.

Картье обнаружил устье многоводной реки и даже смог подняться по ее течению вверх. Во время исследования берега он встретился с аборигенами – племенами индейцев, которые приняли белых людей достаточно гостеприимно. Местный вождь Доннаконе не только поднялся на борт корабля с сыновьями, но даже отпустил молодых людей с капитаном, когда тот принял решение вернуться во Францию. Индейцы охотно вступали в торговые отношения с французами. Им было что предложить: великолепно выделанные меха. По сохранившимся сведениям, одна из встреч с европейцами закончилась курьезом: индейцы настолько были поражены товарами, представленными на обмен, что домой они отправились голыми: меховую одежду обменяли на металлические иглы, бусы и другие заморские диковины.

Единственное, что не слишком понравилось Доннаконе, – церемония установки огромного креста, на котором моряки высекли слова «Да здравствует король Франции». Картье объявил открытые земли собственностью французской короны, что вызвало недоумение у индейцев, которые считали себя полноправными хозяевами этих мест. Впрочем, вождь умело скрыл свое недовольство: ему был необходим сильный союзник в борьбе с ирокезами, а у французов имелось огнестрельное оружие.

Во время бесед с индейцами европейцам было сложно найти общий язык: местные жители не пользовались отвлеченными понятиями. Это привело к лингвистическому казусу: когда Картье пожелал узнать название новой страны, он обвел руками местность и услышал

слово «каната». Так аборигены называли свое поселение и окружающую его территорию. Так что знакомое всем слово «Канада» в буквальном переводе означает «деревня».

Экспедиция вернулась домой 5 сентября. Двое сыновей индейского вождя принялись изучать новый для них мир, полный чудес. За зиму они изучили французский язык, так что в будущем Картье было проще объясняться с населением новых французских земель. Меха также произвели впечатление, так что Франциска I не пришлось долго убеждать в необходимости дальнейших исследований. Для второй экспедиции Картье было выделено три корабля: «Эрмиллон», «Большая Эрмина» и «Малая Эрмина». В это плавание мореплаватель взял с собой 110 человек. Под парусом плыли на родину и два молодых индейца. Попытки священников склонить их к католичеству потерпели неудачу, но вот чудеса техники произвели на молодых людей сильное впечатление. Забегая вперед, стоит сказать, что индейцы сторицей отплатили французам за гостеприимство: когда в экспедиции началась цинга, именно они рассказали о целебном отваре из белой ели (по другим источникам – одной из разновидностей пихты).

Отплытие, как и в первый раз, состоялось из Сен-Мало, но на этот раз плавание заняло целых 50 дней. Руководствуясь указаниями индейцев, Картье достиг реки, которая сегодня носит имя Святого Лаврентия. Седьмого сентября корабли поднялись до острова Орлеан и собирались плыть дальше. Однако помешали два обстоятельства. Прежде всего, крупные суда плохо подходили для передвижения по реке. Кроме того, вождь Доннакона вовсе не был заинтересован в контактах французов с племенами, живущими в верховьях. Он заботился о своем племени и желал сохранить монополию на торговлю шкурами.

Тем не менее Картье оставил крупные корабли на стоянке и на более легком небольшом корабле тронулся в путь. Вскоре он прибыл к достаточно крупному индейскому городу Оше-лага, расположенному около холма, который мореплаватель тут же переименовал в Мон-Руа-яль – Королевскую Гору. Позже на этом месте вырос город Монреаль.

Дальше продвижению по реке мешали пороги. Опытный мореплаватель хотел оставить корабль и отправиться вверх по течению на более легких судах, однако вождь всячески принялся отговаривать путешественника. И тут Картье совершил одну из серьезных дипломатических ошибок: дал залп из бортовых орудий по индейцам. Несколько человек было убито на месте. Демонстрация силы заставила индейцев быть осторожнее с запретами, однако во многом подорвала доверие к чужеземцам. Кроме того, родственники погибших затаили обиду, и позже многие нападения на форт совершались именно из чувства мести. Как бы то ни было, вождю удалось успокоить соплеменников.

Местные племена сумели объяснить чужеземцу, что за порогами лежит таинственная страна Сагений (Сегеней), где живут светлокотые люди с белыми волосами. По преданию, в этой стране было много меди, золота и серебра, а пушные звери водились в изобилии, так что жители легендарной земли владели огромным количеством мехов.

Долгое время легенда о таинственной стране считалась всего лишь выдумкой индейцев. Историки полагали, что племена стремились направить чужеземцев в суровые северные земли, чтобы белые люди оставили их территорию. Но в 1960-х годах археологам удалось случайно совершить великое открытие.

На острове Ньюфаундленд они обнаружили поселение, основанное викингами. Поселение было небольшим, не более 100 человек. Однако если вспомнить, что в Гренландии скандинавские поселения продержались около пяти веков, а общая численность населения достигала 5000 человек, не исключено, что и на материковой части Канады могло существовать крупное поселение, которое затерялось в бескрайних лесах. До сих пор следов таинственного королевства не обнаружено, однако в истоках реки Сагений, у озера Сен-Жан, были обнаружены места с гораздо более мягким климатом, чем на остальной части канадского севера. Так что не исключено, что таинственное королевство просто еще не дождалось первооткрывателей.

Жаку Картье удалось добыть некоторое количество образцов алмазов и золота. Капитан прекрасно разбирался в ветрах и течениях, умел составлять карты и исследовать новые земли, но в геологии был не слишком сведущ. Так что после демонстрации сокровищ во Франции разразился скандал: золото оказалось обычным пиритом, а алмазы – разновидностью кварца. Во французском языке появилась поговорка «фальшивый, как канадский алмаз», а капитану пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить пошатнувшуюся репутацию.

Как бы то ни было, пути вперед не было, и французы решили вернуться домой. За то время, пока исследователь добирался до порогов, оставшаяся часть команды занялась строительством форта возле Стадаконы. Точно неизвестно, что побудило экспедицию задержаться в новых землях: внезапно ударившие морозы, недостаток провизии для плавания или другие соображения. Однако когда река замерзла, корабли очутились в ледяном плену. Описания ловушки, в которой оказались суда, сохранились в дневниках: толщина снежного покрова превышала 1,2 м, а льда – 1,8 м. Строительство форта и заготовки рыбы и дичи отнимали большую часть времени. Картье распорядился работами, а в свободное время составлял справочник, где описывал обычаи индейцев и их религию. Дневники двух первых экспедиций были опубликованы во Франции в 1545 году.

Французам катастрофически не хватало витаминов, ведь основу их рациона составляли корабельные бисквиты и солонина. Из-за цинги, по словам Картье, погибло 25 человек, а остальные чувствовали себя очень плохо. Именно в этот момент индейцы, которых умерло вдвое больше, и подсказали способ борьбы с недугом. Вернуться во Францию путешественникам удалось лишь 16 июля 1536 года. При этом Картье захватил с собой десятерых индейцев, в том числе – вождя гуронов Доннакону.

По некоторым сведениям, путешествие аборигенов во Францию вовсе не было добровольным: их попросту взяли в плен. Этот поступок, скорее всего, был совершен из желания оправдаться перед королем и подтвердить слова о богатствах еще не разведанной части Канады. Так или иначе, никто из гуронов не вернулся на родину, что в немалой степени способствовало ухудшению отношений с индейцами.

Две экспедиции под руководством Картье узаконили претензии Франции на канадские земли, поскольку он с соблюдением всех формальностей объявил их собственностью монарха. Но расстояние до них было слишком велико, и возникла необходимость создания постоянных поселений. Королю теперь был нужен не смелый первооткрыватель, а талантливый администратор, который смог бы основать постоянную колонию. К сожалению, выбор пал на Жана-Франсуа де ля Рока, которого в Канаде знают под именем Роберваля. Что касается Картье, ему отводилась второстепенная роль: благополучно доставить колонистов в открытые земли.

Согласно плану, Картье на пяти кораблях должен был отплыть первым, а Роберваль, набиравший колонистов, собирался позже присоединиться к кораблям. В мае первые пять кораблей отправились в путь и после трехмесячного плавания добрались до Ньюфаундленда. Роберваля не было, а Картье слишком хорошо узнал, что из себя представляют канадские зимы. Поэтому он повел корабли дальше и основал поселение на 15 км выше Квебека. Оттуда он отослал два судна домой во Францию с докладом королю. Опытному мореходу было нелегко смириться с тем, что Робервалю, а не ему, были даны все полномочия и даже заранее дарован пышный титул вице-короля Канады. Возможно, у него была надежда на то, что монарх передумает и отстранит Роберваля от руководства колонией.

Картье не терял времени: он сразу занялся строительством форта, а также успел сделать несколько лодок для дальнейшего исследования реки. Поднявшись до Ошелаги, чтобы попробовать преодолеть пороги, он узнал, что местные индейцы замыслили захватить европейцев. Оснований для такого поступка у аборигенов было достаточно: европейцы успели показать свое коварство. Кроме того, у них было волшебное оружие. Если бы удалось его захватить,

ни одно другое племя не могло бы устоять. Так что европейцы решили отступить в форт и дожидаться подкрепления.

Колонистам удалось благополучно пережить зиму, несмотря на нападения ирокезов, убивших 35 поселенцев, однако к весне стала ощущаться нехватка продуктов. Картье принял решение вернуться во Францию. Зайдя в бухту Сент-Джон, он повстречал Роберваля, который на трех кораблях наконец-то добрался до Новой Франции. Роберваль был настроен немедленно заняться исследованием открытых земель и отправиться на запад, но Картье уже порядком устал. Кроме того, он чувствовал ответственность за своих людей. Не проявляя прямого неподчинения, ночью он поднял паруса и (теперь уже навсегда) уплыл из открытой им страны.

Несмотря на то что первооткрывателю Канады удалось сделать для французской короны немало, он не привез главного: золота и драгоценностей. Поэтому при дворе о нем довольно быстро забыли. После возвращения из Канады он подрабатывал переводами, а также давал советы морякам, которых интересовали пути через Атлантику. Знаменитый мореплаватель умер в родном Сен-Мало в 1577 году.

О легендарном первопроходце напоминают детали его корабля «Малая Эрмина», часть из которых хранится в Квебекском литературном и историческом обществе, мост, названный в его честь, а также памятник. Впрочем, прижизненных портретов Картье не сохранилось, так что его облик – всего лишь представление скульптора об одном из героев Канады.

После бегства Картье Роберваль попытался все же выполнить возложенную на него миссию. Он нашел лагерь колонистов, поставил на его месте укрепленный форт и остался там зимовать. Дневников этой колонии не сохранилось, так что остается гадать, как колонисты провели зиму на новых землях и с какими трудностями им пришлось столкнуться.

Следующим летом Роберваль принял решение эвакуировать колонию и в сентябре 1543 г. вернулся во Францию. После этого французы отложили идею колонизации более чем на полвека.

Самюэль де Шамплен – отец Новой Франции

Точная дата рождения Самюэля де Шамплена неизвестна: одни историки называют 1567 год, другие – 1574. Мальчику невероятно повезло: его отец и дядя с материнской стороны были потомственными моряками, так что с раннего детства у Самюэля были отличные учителя, которые преподали ему тонкости навигации и картографии. В университет бойкому юноше путь был закрыт: семья жила очень скромно, так что пришлось рассчитывать только на свои силы.

Во время религиозных войн в Бретани юноша поступил в войска на должность конюха. Его невероятная наблюдательность и умение анализировать информацию позволили сделать неплохую карьеру: стать командующим гарнизоном. Однако мечты о море не покидали Самюэля, и в 1598 г. он стал офицером на испанском судне, которым командовал его дядя. Не стоит удивляться такому повороту: в то время бретонцы охотно нанимались на службу к тому, кто предложит хорошее жалованье.

Время, проведенное на испанской службе, позволило Шамплению отличиться. За два года он собрал из разных источников огромное количество сведений об испанских заокеанских землях. После смерти дяди он получил в наследство прекрасный корабль, земли в Испании и Франции, а затем представил секретный доклад французскому королю. В докладе были подробно описаны многие секреты испанцев, так что молодой капитан был представлен к награде.

Мечтой Самюэля де Шамплена стало исследование канадских земель и их последующая колонизация. Однако он был слишком осторожен, чтобы рисковать. Получив в 1600 г. благословение на экспедицию, капитан занялся не скупкой провизии или наймом команды, а отправился в путешествие по побережью Франции. Два долгих года он беседовал с рыбаками, раскидывавшими сети у берегов Ньюфаундленда и других островов близ побережья Канады. К его услугам были и дневники двух первых экспедиций Картье, так что мореходу удалось составить довольно точные описания берегов Северной Америки и даже начертить карты.

Шамплен осознал, что будущая экспедиция – достаточно дорогостоящее предприятие. Не желая рисковать полученными по наследству деньгами, он подыскивал спонсоров, которые были готовы инвестировать в экспедиции в надежде на богатую добычу. И ему это удалось: репутация у будущего основателя Новой Франции была незапятнанной, а энтузиазм, с которым он говорил о богатейших новых землях, вызывал отклик у собеседников.

Весной 1603 г. канадские индейцы увидели на горизонте паруса. Первая экспедиция Шамплена была организована на деньги торговой компании, мечтавшей о скупке «мягкого золота» – пушнины. Шамплению было необходимо организовать топографические съемки территории, а также убедиться в том, что в Канаде есть все условия для основания колонии. В конце мая Самюэль повторил путь Картье: поднялся от устья реки Святого Лаврентия и в начале июля оказался на месте его последней стоянки. Наблюдательный первопроходец отметил и большое количество великолепного леса, подходящего для строительства кораблей и фортов, и изобилие дичи, и сходство местной флоры с растительным миром Франции. Все это давало надежды на успешную колонизацию, оставалось лишь лучше узнать новые земли.

С 1603-го по 1632 год Шамплен постоянно курсирует между Францией и Канадой, организуя все новые и новые экспедиции (всего их оказалось 13). Список открытий пополнился Великими озерами, Ниагарским водопадом, полностью изученным побережьем Акадии (Новой Шотландии). Состав экспедиций был невероятно пестрым и по национальному, и по религиозному признакам. Шамплению не приходилось выбирать: желающих отправиться на новые земли было не слишком много. В его команду входили торговцы, искатели приключений, охотники, священники, профессиональные моряки, но среди колонистов было немало

и тех, кто бежал от правосудия. Зачастую исследователь мог больше доверять индейцам, чем собственным соотечественникам.

Но вернемся к колонизации. Поначалу французы решили основать поселение в Акадии. Первая колония расположилась на острове Иль-Сан-Круа в устье реки Сан-Круа, впадавшей в залив Фанди. Выбор места оказался неудачным: ресурсы острова были довольно скудными. Зимой 1604/05 года многие колонисты умерли, так что весной было решено перебраться на материк. Там было заложено поселение с громким названием Порт-Ройал – Королевский город. Вторая попытка оказалась более удачной: колония стала базой французского флота, однако для освоения территории Канады необходимо было продвигаться внутрь страны.

В 1608 г. Самюэль де Шамплен направился вверх по реке Святого Лаврентия и дошел до покинутого индейцами стойбища Стадаконы. Там, в месте сужения реки, был заложен форт, который должен был стать форпостом пушной торговли. Новое поселение получило название Квебек. В первые годы поселок французских поселенцев имел не слишком привлекательный вид: наспех сооруженные деревянные дома окружала ограда, которая служила защитой от диких зверей, но не стала бы серьезным препятствием при набегах индейцев. Население составляло всего 28 человек. Через несколько лет в колонии появилось первое каменное строение из двух этажей с сигнальной башней. Однако строительство из камня было дорогостоящим и слишком трудоемким, так что долгое время Квебек оставался деревянным городком. С 1608-го по 1759 год город, основанный Шампленом, был столицей Новой Франции – именно так стали называться новые земли, подаренные французской короне отважным первопроходцем.

Самюэль де Шамплен прекрасно понимал, насколько серьезная угроза нависает над колонией. Живущие поблизости племена гуронов, монтанов и оттавов были сравнительно миролюбивыми, однако южнее располагались земли ирокезов – союза могущественных племен, которые совершали набеги на соседей практически по всему континенту. Шамплен поспешил заключить союз с гуронами, пообещав им поддержку в борьбе с врагом. Он обещал индейцам поддержку французов, располагавших огнестрельным оружием, и несколько раз лично участвовал в стычках с ирокезами. Однако в одиночку ему было сложно и вести исследования Канады, и руководить колонией, и склонять на свою сторону индейские племена. Поэтому Шамплен решил обзавестись честолюбивыми помощниками, которые могли бы взять на себя вопросы торговли с аборигенами, а заодно – исследовать их обычаи и выучить язык. Временно оставим Шамплена в Квебеке и расскажем о судьбе одного из самых талантливых его помощников.

Был ли предателем белый гурон Этьен Брюле?

Одним из самых известных соратников Шамплена стал сын крестьянина из Шампини-сюр-Марн, Этьен Брюле. Девятнадцатилетний парень, судя по воспоминаниям современников, отличался наблюдательностью, предприимчивостью и легким характером. Впрочем, были ему присущи и другие черты: хитрость, чувственность и несдержанность. Можно себе представить, как удивились более опытные члены колонии, когда Шамплен решил отправить этого сорванца в лагерь гуронов в качестве интерпретера! Одни считали, что парень попросту сбежит, другие сомневались в его способности найти с индейцами общий язык. Третьим он казался неподходящей кандидатурой из-за своей распушенности, которая заключалась в том, что парень не чуждался крепкого словца, легко справлялся с крепким алкоголем и вовсю бегал за индейскими девушками. Однако мало кто из поселенцев мог сравниться с Этьеном в способности найти общий язык с любым собеседником. У него была особая харизма, на которую и сделал ставку Шамплен.

Для того чтобы добраться к месту поселения гуронов, Брюле предстояло проделать долгий путь. В колонии его снабдили запасом разных товаров, которые пришлось по душе индейцам, оружием и небольшим количеством провизии. На своем каноэ, пользуясь услугами встреченных по пути индейцев, молодой парень за три месяца прошел пороги реки Оттавы, затем отправился в плавание по озеру Ниписсинг и достиг озера Гурон. Путь длиной более полутора тысяч километров был непростым, однако Брюле верил в успех своей миссии и сознавал возложенную на него ответственность. К тому же это было величайшим приключением с того момента, как он ступил на канадскую землю.

Когда посланник французов прибыл в лагерь гуронов, его встретили весьма гостеприимно. Причин радушного приема было несколько: и то, что индейцы надеялись договориться с поселенцами о военном союзе против ирокезов, и долгое путешествие, которое не побоялся совершить молодой воин, и его искренний интерес к жизни племени.

Стоит упомянуть, что Этьен прибыл в поселение очень вовремя: в племени как раз назревал раскол. Парень, быстро и легко осваивавший язык, сообразил, что молодежь стремилась сбросить власть старейшин. Пользуясь своим авторитетом, Брюле завоевал доверие молодых индейцев, а затем сумел убедить заговорщиков отказаться от своих планов. Вместо этого он предложил отправиться на зимнюю охоту за пушным зверем и посулил за сданные шкурки немалые богатства, в том числе – огнестрельное оружие. На следующий год, когда в колонии уже успели мысленно похоронить молодого смельчака, Этьен вернулся в Квебек. Большая часть племени на каноэ пришла вместе с ним. Они привезли первоклассно выделанные шкурки на обмен. Немало шкур лежало и в каноэ Брюле.

Шамплен был очень доволен. Пока купцы торговались с индейцами, он отвел интерпретера в сторону и предложил ему остаться в Квебеке. Но ни новое жилье, ни возможность общаться с соплеменниками не показались Этьену заманчивыми. Когда каноэ индейцев начали покидать берег, он отправился вслед за гуронами. Поначалу Шамплению казалось, что его протеже выбрал лесную жизнь из-за индейских девушек, ведь в самой колонии невест пока было слишком мало. Но оказалось, что Брюле понравился сам образ жизни гуронов.

Следующая встреча Шамплена и Брюле состоялась через год. На этот раз основатель Новой Франции сам приплыл в стойбище новых союзников. Этьен явно пользовался уважением у гуронов, и руководителю колонии стало интересно, каким образом белому человеку удалось вызвать такое доверие. Однако интерпретер только отшучивался. Он упомянул, что контакты не обходятся без «огненной воды», а на вопрос, не развращает ли он своих краснокожих братьев, ответил, что не считает себя святым. В Канаде ходили слухи, что в индейских поселениях после визита француза родилось немало светлогокожих детей. Но если и так, обще-

ние с девушками явно было добровольным и приносило удовольствие обеим сторонам: у племен не было свойственного европейцам понятия об обязательном добрачном целомудрии.

Шамплен приплыл в стойбище гуронов не просто так. Ирокезы, которые уже успели узнать о гостях из-за моря, обосновавшихся на канадской земле, регулярно совершали набеги и вылазки. Нападения беспокоили и гуронов, ведь союз Пяти Племен был самой грозной силой на всей территории Северной Америки. Поэтому было решено, что французы попытаются раз и навсегда решить проблему. В злополучном 1615 г. Шамплен поручил Этьену заручиться поддержкой союзного племени сусквеганов, а сам с небольшим отрядом французов и гораздо более многочисленным войском индейцев вторгся на земли ирокезов, занятые племенем онондагов.

Отсутствие координации и стремление Шамплена как можно быстрее победить врага сыграло на руку ирокезам. Объединенные силы гуронов и французов так и не смогли взять укрепленное ирокезское селение, сам предводитель был ранен. Так что когда на поле битвы прибыл Брюле вместе с отрядом индейцев, гуроны уже отступали. Ирокезы начали преследовать врагов: их вдохновляла не только радость победы, но и перспектива завладеть огнестрельным оружием.

В одной из схваток молодой интерпретер получил удар дубиной и потерял сознание. Ирокезы опознали в нем того самого француза, который стал причиной усиления ненавистного им племени гуронов, и захватили Брюле в плен. Этьен уже достаточно хорошо знал обычаи ирокезов, поэтому понимал, что его ждет. Ирокезы подвергали пленников пыткам, а затем убивали. Причем тем, кто держался мужественно, иногда дарили легкую смерть, а в очень редких случаях – даже жизнь. Именно поэтому молодой француз собрал все силы, чтобы держаться достойно.

А дальше в судьбу Этьена вмешался случай. Он без криков и просьб о пощаде выносил пытки, но когда вождь ирокезов попытался прикоснуться к распятию, висевшему на шее пленника, изобразил страшный испуг. Индейцы верили в силу талисманов, и когда Брюле крикнул, что вождь не должен касаться талисмана, иначе погибнет в первом же бою, ему поверили безоговорочно. Именно в эту секунду раздался раскат грома. Ирокезы сочли это знаком высших сил, и вождь не только не убил Этьена, но подарил ему свободу и даже выделил сопровождающих, которые довели его до владений сусквеганов – союзников гуронов.

Менее мужественный человек наверняка решил бы изменить жизнь и осесть в Квебеке либо уплыть домой, во Францию. Однако молодой француз даже не дал себе отдохнуть и восстановить силы в лагере союзников. Добравшись до стойбища, он увидел широкую реку, которая уходила на юг, и подумал, что водный поток может вывести его к Тихому океану, уговорил нескольких индейцев отправиться в экспедицию и поплыл исследовать новые земли. Через несколько недель плавания лодки достигли залива, который сейчас называют Чезапикским. А к списку открытий французов добавились земли нынешней Пенсильвании. Собрав сведения, Этьен пустился в обратный путь и через несколько месяцев появился в Квебеке – к радости друзей и огорчению недоброжелателей. Он привез Шамплему подробный отчет о путешествии, а затем снова вернулся к гуронам.

Годы жизни среди индейцев сильно повлияли на молодого француза. Он все больше напоминал гулона – и по одежде (меха и кожаные мокасины оказались удобнее, чем европейская одежда и обувь), и по стилю жизни. Его все чаще называли белым гулоном, да и он сам начинал ощущать себя частью племени. При желании Брюле мог вернуться во Францию богатым человеком: он немало заработал на мехах, кроме того, интерпретеры, собиравшие сведения, получали очень неплохое жалованье. Однако Этьен предпочитал свободную жизнь, посиделки с индейцами у костра, совместную охоту и все новые и новые исследования континента. Он был первым белокожим, который увидел Верхнее озеро и озеро Мичиган. Составленные им карты и описания помогли тем, кто впоследствии строил в Новой Франции фактории и

поселения. Однако вскоре над головой смельчака начали сгущаться тучи, причем опасность пришла совершенно с неожиданной стороны.

В 1615 г. в Канаду начали прибывать миссионеры. Среди них были и настоящие подвижники, которые мечтали обратить в истинную веру индейцев, и те, кто искал личной выгоды, и верные сторонники интересов ордена иезуитов. Брюле не был истово верующим – один из миссионеров позже с негодованием вспоминал, что во время очередной стычки тот не смог вспомнить никакой другой молитвы, кроме той, которую читали перед трапезой. Однако он предложил священникам весь свой опыт и знания вновь открытых земель. Он сопровождал их во время странствий, указывал путь к стойбищам гуронов. Тем не менее миссионеры относились к Этьену как к опасному грешнику.

Молодой путешественник представлял собой угрозу их авторитету. Он вступал во внебрачные связи с индейскими женщинами, никогда не отказывался промочить горло, а уж о христианском смирении речь и вовсе не шла – белый гурон вел жизнь свободного человека, не ограниченного условностями. В стойбищах его приветствовали с огромным уважением, да и в Квебеке он обладал немалым авторитетом, хотя появлялся там не слишком часто.

Миссионеры действовали исподтишка: в своих докладах преуменьшали заслуги первопроходца и делали акцент на его грехах, а у новообращенных индейцев стремились вызвать отвращение к нераскаявшемуся грешнику. Тем не менее им долго не удавалось опорочить Брюле: слишком много пользы он приносил как французам, так и гуронам. Но церковь умела ждать...

Через четырнадцать лет после прибытия миссионеров, в ходе длительной войны между англичанами и французами, о которой будет рассказано отдельно, Квебек был захвачен. Колонисты во главе с Шампленом были вынуждены покинуть обжитые места. Каково же было их удивление, когда в день отплытия кораблей они увидели Этьена во главе торгового каравана индейцев! Белый гурон привез пушнину, но на этот раз – не французским купцам, а англичанам. Это стало основой для обвинения в предательстве, которое Шамплен тут же бросил в лицо Брюле. Тот попытался объяснить, что действует в интересах племени гуронов.

Этьена можно было понять: будь он один, он бы мог спокойно уплыть вместе с остальными поселенцами во Францию. Но ему доверяло целое племя, в котором, возможно, действительно росли его дети. Так что белый гурон попытался сделать единственное, что было ему по силам: уберечь народ, который он считал своим. Для этого было необходимо, чтобы индейцы оказались полезными новым колонизаторам. А предложить они могли то, чем владели в избытке: ценные меховые шкурки. Кроме того, привыкшие к некоторым благам цивилизации индейцы нуждались в товарах, которые им могли дать европейцы. Так что, выражаясь языком торговли, Брюле просто сменил торговых партнеров.

С отплытием французских кораблей история не закончилась. Миссионеры, которые остались в канадских лесах, продолжили убеждать индейцев в том, что Брюле изменил своей стране. Далеко не все прислушивались к их словам, но иезуиты и адвентистские священники умели быть убедительными. Раз за разом они рассказывали историю Иуды, невзначай приводя в качестве современного примера предателя имя Брюле. В конце концов часть гуронов действительно начала с подозрением смотреть на своего белого соплеменника.

Владычество англичан продлилось всего три года, а затем Англия и Франция заключили мир, по которому Квебек снова отходил под власть французской короны. Губернатором был назначен Шамплен. Несмотря на то что слова об измене были им сказаны в запале, он, скорее всего, помирился бы с Этьеном. Однако у врагов Брюле были другие планы. Они стали подбивать индейцев избавиться от предателя, говоря, что только таким образом можно вернуть расположение французов.

Не ограничиваясь обвинениями в торговле с врагом, Этьена обвинили в том, что именно он показал англичанам путь в Квебек. Дескать, именно по его вине был захвачен основной

форпост французов. А далее существует несколько версий произошедшего. По одной из них, вожди гуронов, давно питавшие неприязнь к французу за слишком сильное влияние на молодежь, поймали его во время очередного странствия по лесам и устроили над ним суд. И в результате приговорили к смерти и торжественно съели.

Миссионеры-иезуиты, описывавшие племена индейцев, обитавших на территории Канады, упоминают о существовании ритуального каннибализма у гуронов. Однако не исключено, что на это племя распространилась печальная слава ирокезов, у которых поедание пленников после пыток было совершенно обычным делом. Если же Брюле и был съеден, то исключительно из глубокого уважения. Те индейские племена, которые поедали тела врагов, как правило, стремились получить качества своего врага: у быстрых бегунов поедали икры, у тех, кто отличался поразительной меткостью, – руки. Но маловероятно, что Брюле встретил именно такую смерть.

Прежде всего, индейцам было крайне невыгодно убивать Этьена: он был хорошим посредником и умелым воином. Кроме того, он был фактически членом племени. Пыткам и ритуальному каннибализму подвергали пленников, чужаков, а не соплеменников. Если бы действительно встал вопрос о том, что добиться мира с французами можно было только за счет наказания Брюле, его можно было бы доставить в Квебек и, возможно, получить награду.

Настораживают и еще несколько фактов. Прежде всего, во многих источниках упоминается, что после отплытия Шамплена Брюле поступил на службу к братьям Кёрк. Позже он полностью разорвал с ними контакты и отправился в племя Медведей, и с тех пор никто из белых людей больше никогда не встречал белого гулона. Это может означать, что он погиб в стычке с ирокезами, которые всю теснили гулонские племена, либо стал жертвой болезни. Кроме того, племя Медведей могло попросту рассказать о смерти француза, в то время как он просто переселился в отдаленные поселения. Миссионерам было выгодно распространять слухи о смерти Брюле: это была отличная история о трагическом конце грешника, забывшего о религии. Кстати, по последним данным, фраза о предательстве Брюле в письме Шамплена записана другой рукой. Предположительно, ее внес в письмо один из миссионеров.

Как бы то ни было, официально Этьен Брюле никогда не был обвинен в измене. Он не предстал перед французским судом, так что официально его считают невиновным, поскольку доказать обратное уже невозможно. А память о смелом интерпретере до сих пор живет в Канаде. Его именем назван парк и средняя школа, в которой преподавание ведется на французском языке.

Превращение Канады в королевскую колонию

Несмотря на то что Самюэль де Шамплен старался сделать все возможное для процветания Новой Франции, положение было достаточно сложным. Разведка новых земель велась успешно, и сам первооткрыватель совершал немало экспедиций, стремясь отыскать новые пути продвижения в глубь континента. По настоянию Шамплена французы стремились заключать мирные соглашения с открытыми племенами, и в число потенциальных союзников оказались монтаны и оттавы, а позже – еще несколько крупных племен.

Шамплен хорошо понимал, что никакие отчеты не могут заменить личной аудиенции, поэтому регулярно наведывался во Францию, предоставляя королевскому двору свежие сведения о богатых землях Канады. Еще в 1618 г. он подал прошение о расширении колонизации, предсказывая Новой Франции ослепительное будущее. Его доклад привлек внимание кардинала Ришелье – правда, лишь в 1627 году. Ришелье предложил купцам основать «Компанию ста акционеров». Одним из акционеров стал и он сам. Каждый акционер вносил 3000 ливров, что позволяло создать солидный начальный капитал. Ришелье предложил выгодные условия: вечную монополию на продажу товаров и 15-летнюю – на торговлю пушниной.

В обмен на широчайшие льготы потребовал содействовать колонизации новых земель: заселить новые земли 4000 колонистов, обеспечить их охрану и продолжить распространение христианства в Канаде. Кроме того, кардинал назначил Шамплена наместником Новой Франции, а также выделил ему небольшой гарнизон.

Возвращение в Канаду оказалось не слишком радостным. Буквально сразу же после прибытия Шамплена в колонию началась англо-французская война 1628–1631 года. Губернатор Ньюфаундленда Кирк сумел перехватить идущий морем караван с продовольствием, а затем осадил Квебек. В 1629 г. Шамплен был вынужден сдать город, а сам попал в плен к англичанам. Губернатора освободили лишь в 1633 году. Проведенные в плену годы окончательно подорвали его здоровье, и через два года он оказался парализован, а затем умер и был похоронен в Квебеке. Он оставил о себе добрую память: мало кому из путешественников того времени довелось 25 раз пересечь Атлантику, при этом не потеряв ни единого корабля. Карты, составленные Шампленом, позволили европейцам представить масштаб нового материка и оценить его богатства. А планы этого первопроходца продолжали реализовываться и после его смерти: руководствуясь пожеланиями губернатора, в 1642 году Поль де Мезоннёв основал Монреаль, который изначально назывался Вилль-Мари.

К концу XVI – началу XVII столетия население французских колоний в Северной Америке медленно, но все же увеличивалось. Существовало несколько причин медленного естественного прироста: женщины очень неохотно отправлялись в полное опасностей путешествие, решение Генриха IV о распространении колоний на север оказалось ошибочным (климат Канады был гораздо более суров, чем европейский). Кроме того, в первые десятилетия после освоения колоний поселенцам было гораздо выгоднее жить охотой, ведь пушнина приносила огромные доходы. Земледелие требовало серьезных усилий и было не так прибыльно, так что к 1640 г. в Новой Франции обрабатывалось всего шесть гектаров земли. А кочевая жизнь никак не способствовала созданию больших семей.

Немалую роль сыграло и происхождение жителей Новой Франции. Среди колонистов были солдаты, лица, осужденные за бродяжничество, воспитанники детских домов, монахи и монахини – люди, которые вовсе не были воспитаны в духе семейных ценностей. С недостатком женщин администрация колоний боролась двумя способами. Прежде всего, в Канаду периодически доставлялись партии невест (особенно частой эта практика стала при губернаторе Фронтенаке, который управлял колонией во второй половине XVII столетия). Прибытия кораблей с колонистками активно ожидали и представители местной знати, и простые посе-

ленцы, ведь в Канаду отправлялись девушки и женщины из разных социальных слоев. Будущим поселянкам устраивали что-то вроде приема, где они могли познакомиться с молодыми людьми и через некоторое время выйти замуж.

Другая мера была направлена на стимуляцию браков между местным населением. Например, одно время существовал закон, по которому родителям холостяков (с 21 года) и незамужних девиц (с 16 лет) приходилось выплачивать немалый штраф. Так что выгоднее было как можно быстрее заключить брак между детьми. Еще один запрет был еще более строгим, но касался он только мужчин. Холостякам официально запрещалось ловить рыбу, охотиться и заводить торговые отношения с индейцами. Разумеется, этот запрет регулярно нарушался, ведь следить за каждым холостяком администрация колонии просто не имела возможности, особенно во время длительных поездок по практически незаселенным землям. А почтенные главы семей охотно сдавали добычу сыновей как свою собственную.

Несмотря на усилия по стимуляции колонистов к заключению браков, накануне завоевания французских колоний англичанами общая численность населения во всех городах и поселках составляло около 63 тысяч, тогда как англичан в Северной Америке было уже в двадцать раз больше. Это стало одной из причин, по которой Франции впоследствии пришлось уступить свои владения.

Однако вернемся к поселенцам и познакомимся с их жизнью. В многочисленных описаниях Новой Франции, издаваемых в метрополии, было немало того, что сегодня бы назвали рекламой. Богатым обещали крупные земельные наделы и многочисленные привилегии. Бедным – снижение налогов и возможность стать полноправными членами общества. На практике быт колонистов был далек от идеала.

Поначалу население жило преимущественно в условиях натурального хозяйства. Отсутствие многих товаров заставило многих французов перенять у индейцев технологию изготовления одежды: многие ходили в мокасы и меха. Самыми востребованными профессиями считались кузнечное дело, рубка леса, смолокурение. Неплохо платили за труд бочарам и плотникам.

Частным торговцам, зарабатывавшим целые состояния в английских колониях, практически не находилось дела: за исключением торговли пушниной по лицензии, они не могли торговать наиболее ходовыми товарами. Продажа соли, зерна, пороха и вина была монополией государства, а остальное поселенцы могли добыть самостоятельно или выменять на пушнину у английских купцов. Несколько лучше других развивались оружейное производство и кораблестроение, а также пивоварение из местного сырья. Местные жители научили канадцев еще одной технологии: изготовлению «меда» и сахара из кленового сока. Однако до массового производства сахара дело не дошло – у канадских кленов все еще было впереди.

В 1663 г. министр Людовика XIV, Жан Кольбер, предложил сделать Новую Францию коронной колонией. Для поселенцев это означало серьезные перемены: в Канаде была организована стройная система управления. Новая Франция впервые получила поддержку французского военного флота, в наиболее крупные города были направлены регулярные войска. Управление колонией осуществлял губернатор совместно с интендантом. Назначением этих двух лиц занимался непосредственно король, который советовался с министром. В итоге должности занимали преимущественно талантливые администраторы: Жан Талон, Жорж де Треси, Луи де Фронтенак.

Положение королевской колонии предоставило Канаде возможность создать укрепления. В Квебеке была построена современная цитадель, в Акадии – Луисбург, который иногда называли американским Гибралтаром. Именно благодаря поддержке метрополии в 1690 г. французам удалось отстоять Квебек во время нападения английской эскадры. Однако стычки между англичанами и французами на суше случались регулярно.

В 1688 г. французские поселенцы, мирно жившие в устье реки Пенобскот, были атакованы войсками под предводительством губернатора Новой Англии сэра Эдмунда Андроса. Рейд сопровождался резней и грабежом, и французы недолго медлили с ответом. В августе следующего года один из пострадавших во время нападения, Жан-Винсен д'Аббади де Сан-Кастин, организовал набег дружественных индейцев из племени абенаки на Пемаквид. На этот раз наказать французов отправился английский офицер Бенджамин Чёрч со своим отрядом.

В большинстве случаев и та, и другая сторона пользовались услугами индейцев. Причем союзные французам и англичанам племена собирали значительные силы, нередко превосходившие по количеству войска регулярной армии и ополчение. Например, в 1689 г. французское поселение Лашин было атаковано ирокезами. В их войске насчитывалось около 1500 воинов. Французы ответили еще одной совместной вылазкой – уже со своими союзниками. Этот рейд 1689 г. до сих пор упоминается как бойня в Шенктади. До главного противостояния оставалось совсем немного времени. Но перед тем как перейти к описанию трагедии Акадии и определившей дальнейший ход истории битвы за Квебек, стоит упомянуть о людях, которые сделали для освоения Канады не меньше, чем торговцы и первооткрыватели.

Искатели вечных сокровищ: роль церкви в освоении Канады

При освоении новых земель французы надеялись не только на силу огнестрельного оружия и изворотливость торговцев. Важным шагом в завоевании Канады должно было стать обращение индейцев в христианство. Поначалу в только что открытые земли стремились попасть представители разных течений христианства, однако позже французское духовенство запретило гугенотам селиться в Новой Франции, а миссия крещения аборигенов была возложена преимущественно на орден иезуитов. С тех пор многие торговцы пушниной, прибывая в дальние стойбища, слышали от индейцев о людях в черных одеждах, которые успели побывать здесь и ушли дальше. А порой в отдаленных уголках страны охотникам представало удивительное зрелище: окруженные индейцами миссионеры, рассказывавшие истории о рождении и распятии Христа.

Влияние церкви на развитие канадских колоний не ограничивалось созданием миссий и проповедованием Евангелия среди индейцев. Монахи, получившие превосходное образование, стали первыми исследователями быта индейцев и природы Новой Франции. До наших дней дошло немало трудов, например трактат Габриеля Сагара с длиннейшим названием «Долгое путешествие к земле гурунов, расположенной в Америке, недалеко от Мер Дус, возле дальних границ Новой Франции, называемой Канадой», принадлежащие ему же «Словарь языка гурунов» и «История Канады», «Дневник» отца Пьера Франсуа Ксавье де Шарлевуа и многие другие издания.

В отдельные периоды церковь напрямую руководила французскими колониями. Например, Франсуа Ксавье де Монморанси-Лаваль, первый епископ Квебека, дважды становился временным губернатором Новой Франции. Во время первого периода правления (1663 г.) он основал в Квебеке старейшее учебное заведение Канады – католическую семинарию, позже, в 1852 г., превратившуюся в первый университет, в котором преподавание велось на французском языке.

Священники-иезуиты одними из первых поняли, какую опасность представляет племенной союз ирокезов. Голландцы охотно продавали могаукам огнестрельное оружие. Индейцы, отличавшиеся меткостью, очень быстро обучались им владеть, так что отряд из 400 человек в середине 1640-х гг. представлял опасность не только для слабо вооруженных гурунов, но и для французских поселений. С помощью ружей индейцы легко контролировали водные пути: реку Св. Лаврентия и ее притоки. Поэтому они занимались настоящим пиратством, захватывая посланные из Франции грузы и деньги по пути в поселения. За 1642–1644 гг. ирокезам удалось захватить четыре каравана, так что ущерб исчислялся тысячами ливров.

Неудачная попытка отца Лежёна

Одним из главных борцов с ирокезской угрозой был отец Лежён. После того как в 1641 г. вооруженные аркебузами могауки напали на французов у Труа-Ривьер, Лежён обратился к родственнице кардинала Ришелье, герцогине д'Эгийон. Она пообещала ему содействие, и священник отправился во Францию.

Составленная им Реляция за 1640–1641 гг. описывала ирокезов как главных врагов на пути распространения христианства. Лежён писал: «Торговля, французская колония и религия, которая начинает процветать среди дикарей, будут ниспровергнуты, если не победить ирокезов». Но представитель ордена иезуитов пошел дальше: он предлагал бороться не только с враждебными индейскими племенами, но и с голландцами, снабжавшими дикарей оружием.

Разумеется, священник, пусть даже и посланный администрацией Новой Франции, не мог рассчитывать запросто попасть на прием к кардиналу Ришелье. Поэтому он обратился к королевскому советнику Франсуа Сюбле де Нуайе в надежде передать проект на рассмотрение. Однако ему пришлось испытать разочарование: против него выступили члены ордена иезуитов Ж. Дени и Ш. Лалеман. По их мнению, война с голландцами обошлась бы Франции слишком дорого. Кроме того, пришлось бы вступить в открытый конфликт с могущественной Вест-Индской компанией, которой принадлежали Новые Нидерланды. Поэтому Лежёну было запрещено упоминать о борьбе с голландскими еретиками, а сосредоточиться только на ирокезах.

Неизвестно, как бы поступил иезуит во время встречи с Ришелье, однако его противники сделали все возможное, чтобы аудиенция не состоялась. Если бы кардинал ознакомился с предложением священника и согласился поддержать проект, вся история Канады могла сложиться иначе: ирокезы потеряли бы источник ружей и боеприпасов, племя гуронов не понесло бы ужасные потери, а французские колонии получили шанс на спокойное развитие.

Тем не менее поездку отца Лежёна нельзя считать совершенно бесполезной. Ему удалось получить дотацию в 30 000 ливров для строительства форта, впоследствии названного в честь Ришелье, взвод солдат и двух новых миссионеров. Впрочем, форт продержался недолго: с 1642-го по 1646 год, а затем был сожжен дотла ирокезами.

Иезуиты решили попытаться обратить ирокезов в христианство. Первыми крещение принимали захваченные в плен воины-могауки. Однако попытки крестить пленных врагов вызвали бурю возмущения у гуронов. Они категорически не соглашались с тем, что их заклятые враги на небесах получают достойное существование. Так что миссионеры оказались между двух огней.

Негативное отношение индейцев к священникам основывалось не только на понятии о нарушенной справедливости. Европейцы, посещавшие индейские племена, привезли с собой оспу, которая уносила жизни индейцев тысячами. Порой из племени, состоящего из нескольких тысяч индейцев, удавалось выжить всего паре десятков человек. Леса Канады обезлюдели. Неудивительно, что священников объявили опасными колдунами, а случаи их убийства участились. Впрочем, были и исключения: некоторых принимали в семью, другие становились рабами. Носить сутану в Новой Франции становилось опасно. Однако и рядовые колонисты постоянно подвергались риску быть убитыми или попасть в плен.

В 1643 г. в Канаду пришло известие о смерти Ришелье и короля Людовика, так что отец Лежён был вынужден вновь поехать во Францию в поисках помощи. Анна Австрийская выделила колонистам небольшой отряд солдат и 100 000 франков. Однако достичь перемирия позволила вовсе не сила оружия. В мае 1644 г. гуроны и алгонкины привезли в Труа-Ривьер несколько захваченных в плен ирокезов. Губернатор Монмани отправил гонцов к могаукам и предложил заключить мир.

Результатом переговоров стало длительное перемирие. Французы отдали пленников, а более существенных уступок от них не требовали. Однако мир оказался непрочным: остальные племена Союза Пяти не поддержали идею примирения. К тому же ирокезов не устраивало то, что гуроны напрямую поставляли французам меха. Они стремились стать посредниками и получить монополию на выгодную пушную торговлю. В результате старания Лежёна привели лишь к временной передышке.

Кем были канадские миссионеры?

Современному человеку трудно представить образ мысли миссионеров. В то время когда искатели приключений ехали в Канаду в надежде быстро разбогатеть за счет торговли мехами, многочисленные священники католической церкви стремились обрести совершенно другие богатства. В то время во Франции получила распространение идея «благой смерти». Считалось, что истинный праведник должен не просто провести свою жизнь в согласии с заповедями Христа, но и пострадать из-за своей веры, а в идеале – принять мученическую смерть.

Отбор кандидатов для миссионерской деятельности в Канаде был достаточно строгим. Помимо хорошей богословской подготовки, необходимым условием являлась готовность принять смерть за веру и восприятие ее как желанного окончания земной жизни. Луи Лалеман, автор «Духовной доктрины», в первой половине XVII века писал: «Есть три способа умереть благородно: во-первых, умереть на службе тем, кто поражен смертельной болезнью; во-вторых, умереть в заморской миссии, от рук ли неверных, или от чрезмерного труда, или в результате несчастного случая в ревности; в-третьих, отдать жизнь за нашу паству, как могут поступать прелаты, пастыри и суперiores»¹.

Вдохновленные перспективой стать современными апостолами, французские священники отправлялись в Канаду. После прибытия они отправлялись проповедовать Евангелие окрестным племенам, порой проходя многие километры пешком или по рекам – на индейских пирогах. Часть миссионеров попала к кочевым племенам (алгонкинам, монтанье), которых мало интересовало христианское учение. У священников постоянно возникали сложности: как объяснить дикарю притчу о пшеничных зернах, если он никогда не занимался выращиванием злаков и не выпекал хлеба? Как перевести на язык аборигенов понятие «Бог», если они до сих пор поклонялись только духам? Нередко проповеди священников воспринимали как забавное развлечение, но часто служителям Божиим приходилось сталкиваться с пренебрежением и насмешками, а порой – и с грубостью.

Большие надежды иезуиты связывали с гурунами. Крупный союз племен, с которыми французы заключили договор, к моменту основания Квебека занимал значительную территорию. Кроме того, жители разных племен говорили на диалектах одного и того же языка, что облегчало взаимопонимание. Поэтому именно в гуронские земли и было направлено большинство священников. Миссионеры, попавшие в племена ниписсингов, поначалу испытывали некоторое разочарование. Они ожидали гонений за веру и ожесточенного сопротивления, а вместо этого индейцы позволяли им поселиться в стойбище, помогали в освоении языка и охотно рассказывали о своих обычаях. Например, Шарль Гарнье в 1636 году написал, что чувствует себя среди дикарей настолько счастливым и здоровым, что даже «стыдится этого».

Сравнительно молодые члены ордена ехали в Канаду именно из-за возможности стать мучениками, а в случае особенно трагического конца – удостоиться после смерти причисления к лику святых. Впрочем, многие из них были далеки от христианского смирения и искренней любви к коренным жителям. Например, в отчете отца Жака Бруйя за 1668 г. жизнь среди канадских индейцев оценивается как ежедневное мученичество. По его словам, ему приходилось постоянно страдать от криков туземцев, зловония их салых волос, дыма в хижинах и безвкусной пищи, пригодной разве что для собак. Немало священников скорее предпочло бы смерть от стрелы или томагавка, чем ежедневные лишения и тяготы. Но были и другие...

¹ В переводе с латыни «superior» значит «выше». В данном контексте имеются в виду высшие представители духовенства.

Святой покровитель Канады

Если спросить католиков Канады, кто является святым покровителем страны, они сразу же назовут имя Жана де Бребёфа (1593–1649 гг.). Будущий небесный покровитель Канады родился в Нормандии. В 1617 г. он стал послушником ордена иезуитов, через пять лет – священником, а в 1626 г. в числе других миссионеров прибыл в Новую Францию.

Отсутствие успеха первых иезуитских миссий во многом объяснялось тем, что священники начинали проповедовать, совершенно не зная народ, к которому обращались. Жан Бребёф собирался основать на землях гуронов католическую миссию, которая стала бы форпостом христианства в Канаде. Для этого нужно было хорошо знать жизнь местных жителей, их традиции и мифологию. Поэтому будущий святой поселился в одном из селений на берегах озера Гурон и занялся изучением языка индейцев, составлением словаря для будущих проповедников, а также описанием обычаев гуронов.

Захват Квебека англичанами заставил французов приостановить миссионерскую деятельность. И только после 1634 г., когда Квебек был возвращен Франции, а территория гуронов была объявлена государством Гурония, священнику удалось продолжить свои труды. В 1639 г. Бребёф сумел уговорить нескольких иезуитов и французских мирян приступить к строительству поселения. Помощь была не лишней: территорию следовало обнести оградой, внутри которой разместились бы церковь, мастерские, жилые помещения для иезуитов и будущих новообращенных. Внутри ограды разместился и огород, на котором будущие поселенцы могли бы выращивать маис и другие овощи. Гуроны с любопытством относились к появлению миссии, так что для них вначале были поставлены шатры, а затем – помещение из дерева. Так в Новой Франции появилась миссия «Святая Мария среди гуронов», которая к 1648 г. насчитывала 66 французов. Небольшое поселение полностью обеспечивало нужды католиков, среди которых существовала определенная иерархия. Помимо отцов-иезуитов и солдат, присланных для охраны и сопровождения священников во время путешествий, в миссии проживали «светские братья» – в основном, ремесленники, частично принявшие обеты, «дающие» – добровольные помощники иезуитов в распространении христианства, а также «вовлеченные». В последнюю категорию входили члены миссии, которые принимали участие в строительных работах. В более высокую категорию они могли перейти не ранее чем через два года.

Существование миссии не раз оказывалось под угрозой: даже во время перемирия небольшие отряды ирокезов то и дело нападали на французские поселения. В 1641 г. основателю миссии вместе с другими священниками даже пришлось на время вернуться в Квебек, однако спустя три года Бребёф возвращается в Гуронию и продолжает распространять среди индейцев христианство. Первым гуроном, принявшим католичество, стал вождь Чиоатенуа, который позже был убит ирокезами вместе со своим духовным отцом.

«Святая Мария среди гуронов» просуществовала вплоть до 1649 г., когда нападения ирокезов стали учащаться. Бребёф принял решение сжечь постройки и переселиться в более спокойные места. Новым домом для колонии был избран остров Святого Иосифа. К тому моменту популярность священника была настолько велика, что за ним последовало несколько тысяч гуронов. Это привело к жесточайшей нехватке продовольствия. Зима принесла с собой голод, холод и новые атаки ирокезов. В результате было решено вернуться в Квебек. Однако Жану Бребёфу не суждено было насладиться покоем и продолжить обращение гуронов в христианство. Вместо этого его ожидали пытки и страшная смерть.

По свидетельствам других миссионеров, отец Жан де Бребёф был человеком мистического склада. Еще во время основания миссии ему не раз были видения, предвещавшие страшный конец. Со временем видения становились все более яркими: он видел распятого на кресте Христа, а порой – сам крест. В последних записях священника можно найти молитвы о том,

чтобы достойно принять мученическую смерть и умереть за веру. Одним из самых страшных видений был огромный крест в небе, размеры которого были настолько велики, чтобы, по словам Бребёфа, «распять нас всех». За три дня до смерти он рассказал другим членам ордена о видении, в котором ему была показана мученическая смерть во всех подробностях. Рассказ произвел такое мощное впечатление на священников, что они уговорили Бребёфа при жизни пожертвовать церкви пузырек крови, чтобы поклоняться ей как реликвии.

В марте 1649 г. Бребёф и его товарищ, священник-иезуит Габриэль Лалеман, были захвачены в плен ирокезами. Священникам пришлось перенести ужасные пытки: на Бребёфа надели ожерелье из раскаленных в костре томагавков, облили кипятком, пытали огнем, сняли скальп, отрезали губы... В конце концов один из ирокезов ударил его в грудь томагавком, вырвал из груди сердце и съел, пораженный мужеством пленника. Габриэль Лалеман погиб на следующий день, перенес не менее страшные пытки. К лику святых Бребёф был причислен только в 1930 г. вместе с другими мучениками Нового Света.

День памяти святого празднуют 19 октября, а памятник ему можно увидеть в Онтарио.

Жан Бребёф был не только талантливым администратором, но и обладал поэтическим талантом. Написанный около 1643 г. на языке гуронов рождественский гимн «The Huron Carol» стал одной из самых популярных канадских песен. Жан Бребёф постарался сделать историю Христа максимально понятной для индейцев, именно поэтому в его тексте можно встретить слова о духах, вместо хлеба упоминается хижина из бересты, а на поклонение приходят не волхвы, а вожди.

Песня, сложенная на народный французский мотив, пережила своего создателя на столет. После разрушения миссии «Святая Мария среди гуронов» и мученической смерти Жана Бребёфа гимн считался утраченным. Однако в 1750 г. один из иезуитских священников услышал ее в поселении гуронов, записал слова и музыку, а потом перевел на французский. Позже «The Huron Carol» был переведен и на английский, и его до сих пор исполняют многие музыканты Канады.

Трагедия Акадии

Первое поселение на землях, получивших название Акадии, основали исследователи Сер де Монт и Самюэль де Шамплен. Поначалу название звучало как Аркадия, однако впоследствии при составлении карт буква «р» была пропущена, а затем ошибка вошла в обиход и стала привычной. Несмотря на привлекательное название (в Древней Греции Аркадию считали земным раем), колонистов с самого начала преследовали неудачи.

Территория колонии состояла из полуострова Новая Шотландия, ряда островов, а также земель, входящих в состав современной провинции Брансуик. Поначалу французы планировали заняться добычей пушнины, однако на прибрежных территориях пушного зверя оказалось не так много, так что Порт-Ройал вскоре потерял торговые привилегии. Колония была вынуждена выживать самостоятельно: и от Франции, и от Квебека ее отделяло значительное расстояние. Это затрудняло поставку продовольствия и необходимых товаров, так что перед поселенцами остро встал вопрос выживания.

Среди первых поселенцев Акадии не было малодушных людей. Каждый, кто приплыл на кораблях в новые земли, был готов к лишениям. Когда стало ясно, что быстро разбогатеть на пушном промысле не получится, акадцы занялись земледелием и ловлей рыбы. Зимой на острове с 1606-го на 1607 г. провел сам Шамплен. Чтобы подбодрить соотечественников, он объявил о создании Ордена хорошего настроения. Его участники по очереди составляли меню на несколько дней и занимались поставкой провизии, а застолья сопровождалось песнями. Однако жизнь простых колонистов была непростой. Поселенцы начали возделывать земли, которые преимущественно пустовали, заниматься рыбной ловлей и налаживать контакты с соседями – индейскими племенами и английскими колонистами.

Напряженные отношения между Англией и Францией, то и дело переходившие в открытые конфликты, распространялись и на колонии. Англичане и французы стремились к установлению монополии, полному контролю над территорией Акадии, и долгое время эта борьба шла с переменным успехом. Первый раз Британия завоевала Акадию в 1690–1697 гг., однако после заключения мира вернула захваченные земли Франции. Второе завоевание пришлось на годы войны королевы Анны (1702–1713 гг.). Обе стороны использовали индейцев, которые воспринимали войну как возможность прославиться и поправить материальное положение. В 1703–1704 гг. армия, состоявшая из французских колонистов и индейцев, не раз совершала нападения на поселения Новой Англии, а одно из них, Дерфелд, было полностью уничтожено. Англичане не остались в долгу: в 1710 году войска под предводительством Френсиса Николсона взяли столицу Акадии – Порт-Ройал.

По Утрехтскому договору Акадия отошла Британии, и с 1713 г. здесь началось массовое ущемление французских колонистов в правах. Свободолюбивые акадцы не желали подчиняться: начались массовые волнения, а затем – строительство форта Босэжур, завершенное в 1750 году.

Активные военные действия возобновились в середине XVIII столетия. Удачное расположение форта Босэжур сделало его первой мишенью для английских войск, и в 1755 г. он был захвачен. Многие участники этого сражения сумели бежать и перейти на нелегальное положение. Примером стойкости поселенцев может стать история Жозе Бруссара (1702–1765). Он родился в столице Акадии, Порт-Ройале, в 23 года обзавелся семьей и вплоть до конца сороковых годов вел жизнь обычного колониста. После капитуляции форта Босэжур Бруссар возглавил смешанный французско-индейский отряд и в течение трех лет совершал нападения на посты британцев. Захваченные средства он использовал на снаряжение корабля. С 1758 г. Бруссар превратился в героя в глазах акадцев и в пирата – с точки зрения англичан. Его корабль курсировал по всему заливу Фанди, то и дело вступая в столкновение с захватчи-

ками. Пиратская карьера Бруссара продолжалась недолго: вскоре корабль был захвачен, а сам он, после неудачной попытки скрыться бегством, попал в плен. Тюремное заключение в Галифаксе (1762–1764 гг.) не пошло на пользу акадцу. После освобождения и переезда в Луизиану он прожил около года, успев получить чин капитана милиции и командующего ополчением.

Партизанская борьба, развернувшаяся на полуострове, вызывала у британцев сильнейшее раздражение. Трудно сказать, кто первым высказал идею «окончательного решения» акадского вопроса, но этот эпизод может считаться одним из самых позорных в истории освоения Америки.

Самый тяжелый для акадцев период пришелся на время правления Чарльза Лоуренса (с 1754 г.). Его первым требованием стало принесение присяги на верность Британии и подтверждение готовности воевать с любыми врагами британской короны. Для французских колонистов это означало, что в случае военных действий с Францией они обязуются стрелять в соотечественников. Кроме того, в случае даже мелких стычек они вынуждены были бы отрываться от работы и пополнять ряды ополчения. Еще одним камнем преткновения стал религиозный вопрос. Французы не собирались менять свою веру, тогда как для Лоуренса переход всех колонистов в англиканскую веру был вопросом чести и поддержания авторитета.

В результате жизнь акадцев под властью Британии превратилась в кошмар. В исторических документах можно найти упоминания о случаях, когда у француза разбирали дом на растопку, если он по какой-то причине не успевал заготовить дрова для нужд колонии. У бывших жителей Акадии конфисковали ружья и каноэ. Это было сделано под предлогом мер предосторожности – чтобы не вспыхнул мятеж. Однако в условиях полудикой жизни ружье и каноэ давали возможность добыть пропитание, и их утрата наносила серьезный удар по материальному благополучию поселенцев.

Убедившись в том, что сделать французов лояльными не удастся, и не желая рисковать, Лоуренс принял решение выселить французов с освоенных ими земель. 28 июля 1755 г. он отдал приказ: начать депортацию поселенцев из Новой Франции. Для перевозки потенциальных мятежников он распорядился прислать грузовые корабли, оснащенные, как шхуны работорговцев. В их трюмах располагались камеры с решетками, не имевшие ни окон, ни каких-либо удобств.

Коварство Лоуренса заключалось в том, что он держал свои планы в секрете и терпеливо дожидался, пока французские колонисты уберут урожай. Все было готово: солдаты из Новой Англии уже расположились у деревни Гран-Пре, а 5 сентября к берегу подошли пять кораблей. Сразу же после этого поселенцам было объявлено, чтобы все совершеннолетние мужчины в три часа дня собрались в церкви Святого Чарльза под угрозой конфискации всего имущества.

Около четырехсот мужчин со все возрастающим негодованием слушали свой приговор: все имущество конфискуется в пользу Британии, а им самим предстоит навсегда покинуть обжитые места. Единственной формальной поблажкой стало разрешение взять с собой столько вещей и припасов, сколько удастся унести. Но даже это послабление сводила на нет приписка о том, что корабли не должны быть перегружены.

Лоуренс поступил расчетливо: женщины и дети должны были стать своего рода заложниками, которые гарантировали покорность мужчин. Несмотря на то что англичане пообещали французам, что не будут разъединять членов семей, было принято решение начать погрузку. Около 250 человек загрузили в трюмы пяти кораблей. Отправленная в поселение делегация передала страшную новость оставшимся, и многие женщины с детьми и вещами попытались присоединиться к мужьям. Ожидание длилось долго: основная часть кораблей прибыла только 8 октября, а отплытие четырнадцати кораблей произошло 27 октября. Разумеется, не все были готовы смириться со своей участью: за время, пока суда находились у берега, бегством спаслось 22 человека, еще двоих застрелили при попытке к бегству.

В других колониях, попавших под английскую юрисдикцию, французы уходили в леса, иногда – целыми деревнями. Но времена, когда можно было найти приют в индейских поселениях, давно прошли. Известно, что англичане предложили индейцам из племени микмаков вознаграждение. За пойманного живьем француза платили 0,30 долларов, за женщину или ребенка – 0,25 долларов. За скальп мужчины – столько же, сколько за женщин и детей. Разумеется, что нашлось немало охотников за головами, которые были рады заработать и обменять деньги на огненную воду – к тому моменту очень многие коренные жители успели спиться.

Неизвестно, какое количество погибло от стрел и томагавков в лесах, однако историки приводят сведения, что в период с начала депортации и до 1763 г. из Акадии было принудительно депортировано 12 600 французов. По неуточненным данным, около 8000 человек погибло – одни от голода и нехватки воздуха во время перевозки, другие – от пули, третьи – от нужды. Корабли, причалившие в Новой Каролине и Вирджинии, не встретили радушного приема: местные власти предложили французам жить в трюмах или на самом берегу, но не селиться на земле, хотя ее было в достатке. Тем, кто был отправлен в Массачусетс, пришлось пережить эпидемию оспы, унесшую сотни жизней. В Нью-Йорке их ожидали тюрьмы или рабство. Признание во французском происхождении или легкий акцент – этого было достаточно, чтобы стать человеком второго сорта, хотя формально все поселенцы считались военнопленными.

А что же Франция? Увы, судьба заокеанских владений интересовала коренных французов строго пропорционально доходам, получаемым от того или иного поселения. Акадия была бесперспективна, и от нее отказались. Может показаться невероятным, но даже самые просвещенные люди того времени отзывались о Канаде пренебрежительно. Крупнейший французский просветитель Вольтер после лиссабонского землетрясения 1755 г. цинично произнес: «Лучше бы землетрясение проглотило эту убогую Акадию». А пару лет спустя никогда не бывавший за океаном философ пополнил коллекцию оскорбительных высказываний еще одним выражением. Вольтер посетовал, что Британия и Франция воюют из-за «нескольких акров снега в Канаде».

Таким образом, акадцам не приходилось рассчитывать ни на милость англичан, ни на поддержку Франции. Это была серьезнейшая трагедия, особенно если вспомнить статистику: в период максимального расцвета в Акадии проживало около 18 000 французов. В память о пережитых страданиях потомки поселенцев основали на острове Бель-Иль-ан-Мэр музей, посвященный истории Акадии. Потомки тех, кому удалось выжить после депортации, сегодня проживают на территории Новой Англии, в Луизиане, а также во Франции и Британии.

После подписания Парижского договора (1763 г.), по которому Франция полностью теряла права на канадские владения (исключение было сделано лишь для небольших островков Сен-Пьер и Микелон), акадцы получили возможность легально вернуться в Европу. Часть бывших поселенцев Акадии выбрала Гаити, но там им не были рады. Небольшая часть попала на Фолклендские острова, по иронии судьбы вскоре отданные Испании, так что бедным колонистам снова пришлось сниматься с места. Полуторатысячная группа акадцев осела в Луизиане, а около четырех тысяч человек приняли решение вернуться во Францию.

Очень показательна судьба акадцев, обосновавшихся на острове Бель-Иль. По возвращении на французскую землю им выдали землю и скот, но неудачи, видимо, прибыли с колонистами и в Старый Свет. В течение семи лет колония не только не увеличилась – она исчезла с лица земли. Причинами стали массовый падеж скота, засуха, вызвавшая неурожаи, и конфликты с местными жителями, которые вовсе не считали акадцев соотечественниками. Даже браки, которые заключались между вернувшимися во Францию поселенцами и здешними крестьянами, называли смешанными. Как бы то ни было, до сих пор в Канаде существуют сообщества, сохранившие язык и традиции, привезенные когда-то в Новый Свет первыми колонистами.

Ла Саль: несостоявшийся губернатор Луизианы

Если попытаться подобрать изречение, которое лучше всего охарактеризовало бы жизнь Рене-Робера Кавелье Ла Саля, то трудно найти что-то более соответствующее его характеру, нежели известное выражение «Делай, что должно, и будь что будет». Имя этого известного первооткрывателя нередко ставят рядом с именем Шамплена, а история его жизни могла бы стать основой остросюжетного кинофильма. У Ла Саля, в отличие от многих первопроходцев, был собственный биограф, поэтому о его жизни известно немало.

Будущий первооткрыватель Луизианы родился 21 ноября 1643 г. в Руане. Его отцом был состоятельный торговец Жан Кавелье (титул Ла Саль Рене-Робер присоединил к имени позже). Детство и юность Рене-Робера прошли без особых лишений и невзгод. Его заинтересованность наукой и исследованием природных явлений навела отца на мысль дать сыну образование. В то время прекрасную подготовку обеспечивали иезуитские колледжи, кроме того, принадлежность к ордену давала возможность сделать неплохую карьеру.

Способный юноша вначале учился в колледже, затем, после принятия послушничества в 1660 г., продолжил обучение в Алансоне, Туре и Блуа. Наставники отмечали прекрасные успехи Рене-Робера, но он неожиданно отказался от карьеры священника. Более того, юноша попросил освободить его от обетов послушника по причине моральной слабости. 27 марта 1667 г. его просьба была удовлетворена.

В конце 60-х гг. XVII столетия многих молодых французов интересовала возможность проявить себя, и честолюбивый Рене-Робер не был исключением. Впрочем, им двигало не только желание прославиться: юноша отказался от отцовского наследства, и теперь ему приходилось рассчитывать только на себя. Будущий первооткрыватель отправился в Канаду сразу же после того, как расстался с орденом иезуитов, и получил участок земли в окрестностях Монреалья. Он распределил землю между арендаторами, основал небольшое поселение и принялся налаживать контакты с местными индейцами и охотниками. Охотники в то время постоянно находились в поиске богатых пушным зверем угодий, поэтому отправлялись порой за десятки километров от французских колоний. В неспешных беседах индейцы упоминали о великой полноводной реке Огайо, впадавшей в еще более мощную и полноводную Миссисипи.

У Ла Саля появилась мечта: открыть короткий путь из Атлантики в Китай.

В то время еще не было известно о горных системах на западе материка, но сведениями об огромных озерах путешественники того времени уже располагали. Ла Саль задумал отправиться в экспедицию. Он получил официальное разрешение от администрации колонии, но не средства, поэтому был вынужден заложить свои земельные владения.

Первая экспедиция состоялась в 1669 году. Пятнадцать человек на пяти каноэ добрались до Огайо, а затем прошли по реке по течению до водопадов, которые стали преградой для дальнейшего путешествия. Открытие окрылило Ла Саля, и он еще больше уверился в возможности разведки нового водного пути.

Тем временем губернатором Новой Франции стал Луи де Фронтенак – умный и честолюбивый человек, который впоследствии сыграл немалую роль в борьбе с англичанами. Фронтенак охотно поддержал начинания Ла Саля, и даже сделал его начальником отдаленного форта – отважные люди были в Канаде на вес золота. Во время посещения форта, который располагался в устье реки Святого Лаврентия, Ла Саль познакомился со скупщиком пушнины Луи Жолье, который вместе со священником Маркеттом путешествовал по Миссисипи и Великим озерам. Новые знакомые сообщили, что Миссисипи течет на юг и впадает в море в районе, который мы сегодня называем Мексиканским заливом.

Ла Саль немедленно изъявил желание отправиться в новую экспедицию. Ведь открытие водного пути, связывавшего поселения французов на реке Святого Лаврентия и Антильские

острова, сулило серьезные преимущества Франции. В отсутствие сухопутных дорог водные пути оставались единственным надежным сообщением, так что открытие Ла Салля могло принести огромную выгоду французским колониям. Кроме того, новые земли можно было объявить собственностью Франции!

Губернатор Фронтенак дал первопроходцу рекомендательные письма, и тот отправился на родину – за королевским патентом на открытие новых земель и торговлю шкурами. Рекомендательные письма позволили Ла Саллю добиться приема у Кольбера, а тот, в свою очередь, представил его королю.

Король наградил исследователя дворянским титулом, пожаловал земли в Канаде, а также заранее назначил Ла Салля губернатором земель, которые еще предстояло открыть.

Современники завидовали взлету Ла Салля и видели в нем опасного конкурента. Этому способствовала и отстраненная манера общаться с собеседниками, и подчеркнутая гордость. Однако больше всего опасались, что новый протеже короля захватит монополию на торговлю пушниной. В итоге иезуиты, которые обладали немалой властью в Канаде и стремились еще более упрочить ее, сделали попытку отравить Ла Салля. Но сильный организм справился с ядом, и еще не до конца оправившийся путешественник поспешил покинуть Францию. 14 июля 1678 г. он отбыл из Ла-Рошели в сопровождении тридцати солдат, рыцаря Анри де Тонти. Духовенство направило с экспедицией францисканского монаха Луи Аннепена, который позже стал постоянным спутником Ла Салля. Для организации экспедиции путешественнику были выданы дефицитные в Канаде якоря, снасти и паруса, чтобы построить корабль.

После возвращения в Канаду Ла Саль и его спутники обосновались в построенном ранее форте на берегах Ниагары. Путешественник и рыцарь Анри де Тонти скупали пушнину и свозили ее на склад, а заодно наблюдали за строительством корабля. Аннепен описывал Ниагарский водопад и проповедовал окрестным племенам христианство. В подготовке прошло немало времени, но в середине августа 1679 года «Грифон» был достроен.

Плавание по Великим озерам оказалось далеко не безмятежным. Прокладывая путь из озера Эри в Гурон, а затем – Мичиган, экспедиция попала в страшную бурю. Экипаж разбежался, рыцарь Тонти отправился собирать беглых французов, а в это время до слуха Ла Салля дошли печальные известия: его заложенное имение в Квебеке пустили с молотка. Оставалась надежда на запас мехов в Ниагарской крепости. Было решено отправить за пушниной «Грифон», но корабль на обратном пути бесследно исчез. До сих пор остается загадкой, был ли он разграблен индейцами, затоплен врагами Ла Салля или просто затонул после полученных в бурю повреждений. Однако пока что судно только отправилось в путь, и у первопроходца все еще оставалась надежда. Ла Саль решил не отменять экспедицию.

Отряд направился вдоль берега и достиг Иллинойса. Ла Саль уже успел убедиться, что далеко не все участники экспедиции разделяют его энтузиазм, так что при малейшей возможности могут покинуть лагерь. Положение осложнялось тем, что они были окружены недружелюбно настроенными индейцами, перешедшими на сторону ирокезов. И тут Ла Саль совершает отчаянный поступок: всего с двадцатью солдатами он прибывает в лагерь индейцев, в котором собралось несколько тысяч воинов, и проезжает через все селение, не показав и тени страха. Личная смелость и мужество высоко ценились в индейских племенах, поэтому путешественника и его спутников не тронули. Более того – им дали возможность построить на берегу озера Пеория форт, которому путешественник дал красноречивое название Кревкер – Огорчение. Предполагалось, что форт станет базой для продолжения исследований.

Затем было принято решение разделить: рыцарь Тонти должен был остаться в новом форте с небольшим гарнизоном, сам Ла Саль с тремя индейцами и одним соотечественником собрался в расположенный в пятистах лье форт Катарокуа, а патеру Аннепену было поручено подняться вверх по реке Миссисипи, чтобы описать ее верховья и исток. Аннепену удалось подняться до 46 градуса северной широты и открыть водопад, который получил имя Сен-

Антуан, в честь знаменитого святого Антония Падуанского. Затем священник попал в плен к индейцам сиу и какое-то время провел у них в плену.

Тем временем Ла Саль прибыл в Катарокуа, где его ожидала новость об исчезновении «Грифона». Более того: путешественника и самого считали погибшим. К тому же корабль, который должен был прибыть из Франции с товарами для основания колонии и меновой торговли с индейцами, попал в шторм и затонул. В который раз Ла Саль терял все...

Путешественнику ничего не оставалось, как вернуться в Кревкер. Он рассчитывал на встречу с рыцарем Тонти, но обнаружил только пустые стены. Позже выяснилось, что маленький гарнизон взбунтовался, восстал против своего начальника и, забрав продуктовые запасы, скрылся в лесах. Тонти остался среди индейцев всего с пятью людьми и принял решение покинуть форт и ждать Ла Саль в селении Макинако. Путешественникам удалось встретиться только в мае 1681 года.

Оставшись без денег, Ла Саль не мог мечтать о строительстве нового судна. Разумеется, леса вокруг было сколько угодно, но не было ни снастей, ни парусов, ни оснастки. Да и людям платить было нечем... Тем не менее небольшую сумму добыть все же удалось, и в декабре 1681 г. он возглавил отряд из 54 человек. Зимнее путешествие позволило использовать сани: привязав к ним пироги, Ла Саль и его команда смогли спуститься по Иллинойсу и в феврале 1682 г. добраться до Миссисипи. Двух людей он отправил составлять карту верховий, а сам дождался конца ледохода и пустился в плавание по течению великой реки.

Во время путешествия Ла Саль описал устья впадавших в Миссисипи притоков: Огайо (там был основан небольшой форт), Миссури. Не были забыты и политические цели: Ла Саль объявлял вновь открытые территории собственностью короля Франции, заключал союзы со встреченными в Арканзасе племенами. Девятого апреля перед путешественником распахнулся горизонт: перед носом его пироги лежал Мексиканский залив. Земли, открытые Ла Салем, он назвал в честь короля Людовика XIV (Луи) – Луизианой.

Пришло время вернуться в Новую Францию и доложить о своих успехах. Путешественнику пришлось плыть против течения, и люди буквально выбивались из сил. К тому же запасы продовольствия закончились, и участникам экспедиции приходилось делать остановки, чтобы попытаться добыть хоть какое-то пропитание. Путь до французских поселений занял около года. Но когда измученный Ла Саль прибыл в Новую Францию, его ожидал далеко не радушный прием.

Губернатор Фронтенак, несмотря на ум и решительность, обладал тяжелым характером. Он сумел восстановить против себя практически всю верхушку канадской аристократии, так что король, буквально заваленный жалобами, был вынужден снять его с поста. Занявший губернаторское кресло Лефевр де ла Барр весьма прохладно встретил первооткрывателя. А в своем отчете королю подтвердил, что Ла Саль добрался до Мексиканского залива, однако прибавил, что путешественник «корчил из себя монарха» и «творил всякие бесчинства», прикрываясь королевским патентом на монопольную торговлю. Первооткрывателю было важно восстановить свою репутацию, и он отправился во Францию. Во время беседы с королем Ла Саль рассказал об открытых землях, общая площадь которых значительно превышала Францию. Морскому министру он предложил исследовать устье Миссисипи и основать там крепость, которая могла бы стать для французов важным стратегическим пунктом, а также начать колонизацию Луизианы. В итоге король пожаловал первооткрывателю титул губернатора и пообещал помощь в финансировании экспедиции.

Торжественное отплытие четырех кораблей из порта Ла-Рошель вызвало новый приступ зависти у врагов Ла Саль. На этот раз в состав экспедиции входило 400 человек, а командиром небольшой флотилии стал морской офицер Божо.

По воспоминаниям очевидцев, Ла Саль и Божо сразу же ощутили взаимную антипатию, а за время долгого пятимесячного плавания неприязнь переросла во вражду, вылившуюся в постоянные стычки.

Корабли благополучно добрались до Мексиканского залива, но затем удача изменила участникам экспедиции. Они направились на запад вдоль побережья, однако не заметили дельту Миссисипи и прошли мимо. Между капитаном флотилии и будущим губернатором произошел очередной спор: один предлагал повернуть на восток, другой – на запад. В итоге спорщики пошли на компромисс. Суда пристали к необитаемому острову Матагорда, отправили поисковые группы в обоих направлениях и стали дожидаться, какая из них вернется со сведениями о реке. Однако разведка ничего не дала: река как будто исчезла. Ла Саль не знал, что высадился значительно западнее Миссисипи. Перезимовав на острове, участники экспедиции решили выполнить хотя бы часть планов и обзавестись убежищем на случай нападения индейцев. В устье реки Лавака был построен форт, и начались бесконечные походы в поисках водного пути к Великим озерам.

Тем временем случилась новая беда: вначале один из кораблей затонул, а второй был захвачен испанцами. Затем Божо, не предупредив остальных, отплыл на двух кораблях во Францию, и положение людей стало угрожающим. Они остались без продовольствия. Попытка вырастить зерно потерпела неудачу: с трудом вспаханное и засеянное поле залили дожди, и все посевы пропали. Кроме того, ослабленные французы столкнулись с болезнями, и численность экспедиции вскоре сократилась до трех десятков человек.

Ла Саль решил не дожидаться верной смерти и любой ценой добраться до Великих озер. Оттуда он бы нашел путь к французским поселениям с закрытыми глазами. Поначалу отряд собирался идти по суше. Затем был разработан более удачный план: найти Миссисипи и против течения добраться до племен, с которыми во время прошлой экспедиции французы заключили союз.

Остатки экспедиции вышли в море на лодках. Ла Саль выбрал верное направление, но не учел, что к тому времени команда ненавидела его за перенесенные лишения. Незадолго до того, как французы достигли поселений, возник стихийный бунт. Ла Саль убили выстрелом из мушкета. Его убийцу тут же пристрелили, однако для исследователя все было кончено. Он так и не успел насладиться преимуществами нового титула или разбогатеть. Официальной датой смерти первопроходца считается 19 марта 1687 года.

В заключение стоит привести слова биографа Ла Саля, Шарльвуа, которые могли бы стать эпитафией на его могиле: «У него не было недостатка ни в решимости, чтобы отважиться на рискованное предприятие, ни в постоянстве, чтобы довести любое дело до конца, ни в твердости духа, чтобы противостоять препятствиям, ни в средствах, чтобы осуществить свои замыслы. Однако он не сумел снискать любовь и приобрести расположение тех людей, в чьих услугах он больше всего нуждался...»

Падение Квебека

Постоянное противостояние между французскими и английскими колонистами продолжалось всю первую половину XVIII века. Это было кровавое время, когда при содействии индейских племен вырезались целые поселения. Англия и Франция периодически заключали перемирия, использовали захваченные в Канаде населенные пункты как разменную монету в большой игре, развернувшейся в заморских колониях. Например, Второй Ахенский мир, заключенный в 1748 г., позволил французам вернуть канадскую крепость Луисбург в обмен на возвращение индийского Мадраса, недавно отбитого у англичан. В 1750-х гг. успехи французов в Канаде были настолько велики, что Англия серьезно обеспокоилась текущим положением дел. Весной 1757 г. корпус французской армии под предводительством Риго де Водрея атаковал форт Уильям-Генри. Летом того же года Луи де Монкальм (1712–1759 гг.) с семитысячным войском заставил форт капитулировать. Англичане попытались ответить захватом Луисбурга, однако на этот раз им не удалось добиться успеха.

В 1758 г. руководство военной кампанией перешло к Уильяму Питту, который решил изменить тактику борьбы и собрать небывалое по численности войско в 60 тысяч человек. Наступление предполагалось осуществить сразу по всем направлениям, чтобы лишить французов возможности перебрасывать войска. В начале июня адмирал Боскоуэн высадил десант у Луисбурга, однако французы отбили его атаку. С юга на канадские владения выдвинулась армия генерала Эберкромби, однако Луи де Монкальму удалось удачно выбрать место для сражения и наголову разбить противника.

Но с других участков театра боевых действий новости были неутешительными. Франция потеряла Форт-Дюкен в долине Огайо, поселение Фронтенак, а после двухмесячной осады вынужден был сдать Луисбург, что привело к ограничению контактов с метрополией. Однако проход во внутренние территории Новой Франции прикрывал Квебек. И сражение за этот город стало решающим моментом войны за владычество в Северной Америке.

Момент для решающего наступления англичане выбрали удачно: Франция не могла прислать существенную помощь канадским колониям, поскольку участвовала в Семилетней войне. Кроме того, запасы продовольствия были невелики: два последних года выдались неурожайными. Колония решила попросить поддержки: в конце 1758 г. в метрополию отправился Антуан де Бугенвиль на корабле «Ля Серьез». Плавание завершилось благополучно, однако посланца приняли достаточно прохладно. Людовик XV мало интересовался делами заморских колоний, а фактически управлявшая страной мадам де Помпадур и вовсе была к ним безразлична. Тем не менее, Бугенвилю удалось получить помощь: 23 корабля и 300 новобранцев. 10 мая 1759 г. пришедшая в Квебек эскадра привезла с собой несколько канониров и оружейников, а также запасы провианта и снаряжения. Даже беглого знакомства с документами достаточно, чтобы понять, насколько мала оказалась предложенная помощь. Так что колонистам оставалось надеяться только на собственные силы. Еще большее смутнение вызвала новость о том, что Англия всерьез намерена захватить Новую Францию и уже собирает флот под командованием Джеймса Вольфа. Однако Монкальм не принадлежал к числу тех, кто сдается без боя, поэтому бросил все имеющиеся силы на укрепление Квебека.

Место для строительства главного опорного пункта французов было выбрано удачно: у города была прекрасная естественная защита в виде холмов и крутых склонов, затруднявших атаку. Тем не менее, Монкальму стало ясно, что для серьезной осады необходимо нечто большее. По его распоряжению колонисты приступили к строительству фортов, растянувшихся вдоль реки в сплошную линию от водопада Монморанси до Сен-Шарля. В строительстве оборонительных сооружений участвовали все колонисты: речь шла об их жизни, так что французы работали, пока не падали от усталости. А английский флот тем временем пересекал Атлантику.

Первые корабли англичан вошли в устье реки Святого Лаврентия в ночь с 23 на 24 мая 1759 года. Постепенно подтягивались и основные силы эскадры. Флот, который был прислан в Канаду, был самым крупным за всю предшествовавшую историю: никогда еще британские корабли не использовались в таком количестве. Всего в эскадре насчитывалось 150 кораблей, а общая численность корпуса составляла 12 000 человек. Это было почти вдвое больше, чем все население Новой Франции, так что надеяться на победу смысла не было.

Разведчики-индейцы приносили новости о все возраставшем числе английских кораблей. По иронии судьбы, ни одно судно не было потеряно во время долгого плавания, хотя ветры Атлантики обычно не были так милостивы к мореплавателям. Последние корабли достигли канадского берега в конце августа, однако генерал Вольф не стал дожидаться, пока соберутся все силы. Он также располагал сведениями о численности противника и вполне справедливо полагал, что сумеет легко справиться с гарнизоном Квебека даже с половиной войска. Оставалось лишь придумать подходящий план.

Большинство английских кораблей стояло у острова Орлеан, а войска расположились лагерем на северном берегу реки, в районе деревни Анж-Гардьен. Пока французы наблюдали за все увеличивающейся армией, Вольф нанес первый удар. Отправленный им десант сумел захватить высоты на мысе Леви – непосредственно напротив Квебека. Это позволило англичанам разместить на холмах артиллерию и начать обстрел города, который не прекращался ни на день – боеприпасов было достаточно.

Второй шаг английского генерала был гораздо менее продуманным. Вольфу пришла в голову мысль взять Квебек всего одной лобовой атакой. Возможно, он рассчитывал на то, что французы деморализованы начавшимся обстрелом. Но его ждал весьма неприятный сюрприз. Штурм был назначен на 23 июля. Часть кораблей подошли к берегу и начала высадку десанта, а другая часть начала проводить маневры, целью которых была нейтрализация французских укреплений.

Монкальм проявил поразительное хладнокровие. Он приказал вести артиллерийский и ружейный огонь по десанту, практически игнорируя корабли. Крутые склоны квебекских холмов не позволяли английским солдатам быстро добежать до стен, так что французы почти в упор расстреливали непрошенных гостей. Среди гарнизона Квебека потери также были: корабли англичан вели обстрел города. Вольф, который надеялся на быструю победу, следил за разворачившейся битвой. Приказ об отступлении он отдал только вечером, когда пошел дождь и склоны холмов стали скользкими, как лед.

31 июля 1759 г. англичан ожидало еще одно разочарование: попытка Вольфа атаковать французские войска вблизи Бопора на левом берегу реки Святого Лаврентия завершилась полной неудачей. Маркиз де Монкальм умело использовал особенности местности, так что англичанам снова пришлось карабкаться по склонам под дождем. Битва при Монморанси (название реки, неподалеку от которой произошло сражение) обошлась англичанам дорого: французы потеряли всего 70 человек, а британцы – 440 солдат.

Неудачный штурм Квебека и еще более неудачное сражение стали для английского генерала изрядным ударом по самолюбию. Поэтому он не торопился предпринимать новую атаку. На составление планов взятия города он потратил полтора месяца. Все это время английская артиллерия продолжала обстреливать Квебек, но стены крепости были неприступны. Внутренние постройки были сильно разрушены, так что гарнизону приходилось жить среди руин. Но французы даже не думали о капитуляции. Близились осень, и у защитников города оставалась надежда, что с наступлением холодов англичане не станут рисковать кораблями, которые река Святого Лаврентия способна перемолоть в щепы, и снимут осаду.

В конце августа и так небольшой гарнизон был вынужден послать помощь на другие участки фронта. Из американских колоний двигались англичане, поэтому Монкальм отправил на западную границу своего друга – генерала Франсуа-Гастона де Леви с небольшим отрядом и

несколькими офицерами. Колонисты в приграничных землях могли выставить ополчение, да и на союзные племена все еще можно было рассчитывать. Однако для руководства сражениями необходимы были опытные полководцы.

Надежды французов на отступление англичан не оправдались: в сентябре часть кораблей перевели на плесы западнее Квебека, и осажденные могли наблюдать лес корабельных мачт и безбоязненно снующие туда и обратно грузовые шлюпки неприятеля. Боеприпасы приходилось экономить на случай очередного штурма.

Между тем отчаяние охватило не только квебекский гарнизон. Генерал Джеймс Вольф также не представлял, что делать дальше. Канадские зимы были суровыми, так что доставка продовольствия и боеприпасов из английских колоний или самой Англии была бы непростой задачей. Кроме того, пришлось бы решать проблему с поселением войск, отоплением лагеря... Все это вызывало тоску, так что письмо в Англию, отправленное Вольфом, было наполнено отчаянием и безнадежностью. Генерал писал, что здоровье его подорвано, он не способен принести своей стране какую-либо пользу, но главное – не надеется сделать это и в будущем. Это писал не дряхлый старец, а 32-летний человек. Однако Вольфу за недолгую жизнь пришлось увидеть немало смертей, кроме того, он был подвержен болезням... Луи-Жозефу Монкальму на момент битвы за Квебек исполнилось 47, однако он не утратил выдержки...

Историки до сих пор спорят, что стало причиной падения Квебека: наблюдательность Вольфа или небрежность французов, но судьбу Квебека решил случай. В начале сентября часть английских войск расположилась западнее осажденного города, однако атака через непролазные дебри была бы безумием. Генерал Вольф часто плавал на шлюпке вдоль берега, выискивая возможные подходы к стенам неприступной цитадели. 8 сентября он, как обычно, рассматривал скалы в подзорную трубу. Его взгляд привлекла удивительно мирная и даже немного неуместная в военное время картина: француженки стирали и полоскали белье в небольшой бухте Л'Анс-дю-Фулон. Подняв трубу немного выше, он увидел на холмах белье, развешанное на кустах для просушки. У кого-то подобное зрелище вызвало бы ностальгию, воспоминания о довоенных временах или улыбку. Но Вольф мыслил как военный: раз женщины занимаются стиркой, в районе бухты должна быть тропа, ведущая наверх.

С реки скалы казались одинаково отвесными и крутыми. Тем не менее Вольф решил довериться своему разуму и интуиции и назначил штурм Квебека на 13 сентября. На этот раз генерал не собирался начинать штурм без подготовки. Он решил, что 12 сентября англичане начнут разыгрывать для французов представление, чтобы убедить их в подготовке штурма с восточной стороны. А ночью в бухте высадится десант и поднимется по тропе. Тем временем разведчикам удалось захватить двух французов, бежавших из крепости. Те подтвердили существование тропы и сообщили Вольфу, что ни тропа, ни сама крепость почти не охраняются.

Трудно поверить, что при подготовке крепости к осаде Монкальм оставил без внимания спуск к реке, которым часто пользовались колонисты, но он действительно практически не был защищен. На руку нападавшим оказалось и еще одно важное обстоятельство. В ночь на 13 сентября французы ожидали караван барж, который должен был привезти припасы и направиться дальше в Бопор. Вольф решил воспользоваться этим и попытаться выдать десант за французский караван – требовалось только опередить его. И тут в судьбу Квебека снова вмешался роковой случай. Хотя в гарнизон и поступило сообщение, что баржи с провизией задерживаются, немногочисленную охрану бухты об этом попросту забыли предупредить. Не исключено, что часть французов, уставших от непрерывного обстрела, попросту решила сговориться с противником. В этом случае появление женщин на берегу, слова беглецов и «случайно» не переданные сведения – звенья одной цепи.

Как бы то ни было, 12 сентября началось с оживления на реке. Жители Квебека наблюдали, как англичане старательно изображали подготовку к штурму с востока. Монкальм принялся готовить позиции и перемещать войска: атака могла начаться в любой момент. Напря-

жение продержалось до глубокой ночи. А тем временем английские шлюпки беспрепятственно миновали французские посты. Среди англичан нашелся офицер с безупречным знанием французского языка. Разумеется, он не знал пароля. Но на вопрос часового прошептал, что не стоит шуметь – англичане не дремлют. Часовой, вместо того чтобы поднять тревогу, пропустил шлюпки и баржи по реке.

Англичане не встретили сопротивления и дальше. Высадившись в бухте Л'Анс-дю-Фулон, они быстро обнаружили тайную тропу и поднялись по ней. Закрепившись, передовой отряд стал дожидаться прибытия остальных войск. Маркизу де Монкальму сообщили о происшедшем во время утреннего чаепития. Он был в ярости, но войска Вольфа уже заняли расположенную к западу от Квебека равнину Авраама. Именно на ней состоялось решающее сражение.

Пока батареи англичан вели обстрел Квебека с удвоенным усердием, английские солдаты успели выкопать траншеи и укрепить позиции пушками. Монкальм и Вольф поменялись местами: теперь французы устремились в атаку, но падали один за другим под мощным залповым огнем. В отличие от британцев, выставивших опытных обстрелянных солдат, французы располагали лишь новобранцами, ополчением, собранным из фермеров и охотников, и некоторым количеством индейских воинов. Эти войска могли эффективно вести оборону, однако прямая атака оказалась для них слишком серьезным испытанием. Наступление захлебнулось, и остатки гарнизона побежали к городу. Монкальм, верхом на коне возглавлявший войско, пытался остановить бегство своих солдат, однако получил сразу два ранения: в подмышку и бедро.

К чести французов, солдаты не бросили командира на поле боя. Они внесли его в город и попытались отыскать хирурга, но тот участвовал в сражении. Поэтому маркизу пришлось кое-как перевязать свои раны с помощью помощников, а затем он отдавал распоряжения через ординарцев до самого вечера. Бой кипел уже в самом Квебеке. Часть защитников оставила мысли о борьбе, но многие отчаянно сражались. Почувствовав приближение смерти, Монкальм произнес историческую фразу: «У меня больше нет ни приказаний, ни советов. Время, отпущенное мне, на исходе, и я должен обратиться к более важным делам». За ночь маркиз успел написать несколько писем, исповедоваться, а к утру, 14 сентября 1759 г., скончался. Соперник Монкальма, генерал Вольф, ненадолго пережил француза. По иронии судьбы, его организм не вынес напряженного штурма, так что командующий экспедицией умер 15 сентября, так и не успев насладиться своей победой. Защитники крепости продержались до 18 сентября, а затем командование приняло решение сдать город. Место Вольфа занял Джордж Таунсенд (1724–1807 гг.), который принял ключи от города и поднял над руинами Квебека английский флаг.

Судьба Канады после падения Квебека была решена: у англичан появился прямой водный путь в сердце страны. Спустя год в Монреале была подписана полная капитуляция французских североамериканских колоний, а их окончательный переход под владычество Англии состоялся в 1763 г., по итогам Утрехтского мира. На сей раз англичане не стали депортировать французских поселенцев или преследовать их (за исключением иезуитов и нескольких крупных землевладельцев). Так что жители многих франкоговорящих провинций Канады и отдельных городов США ведут свое происхождение от смелых колонистов, сохранивших память о первых днях освоения этих земель. В память первопроходцев названы улицы, университеты, мосты и целые города.

Несмотря на то что канадские колонии были потеряны Францией, они успели оказать огромное влияние на культуру страны. Многие города и реки до сих пор носят названия, которые были придуманы первопроходцами. На карте по-прежнему можно отыскать Квебек, реку Святого Лаврентия, озеро Гурон. Туристы из разных стран мира до сих пор восхищаются мощью крепости Луисбург, рассматривают экспонаты музея под открытым небом на месте

первого поселения на острове Сент-Круа, слушают рассказы экскурсоводов на месте проведения решающей битвы за Квебек – поле Авраама. «Фестиваль де Кантон» в Квебеке приглашает гостей на дегустацию блюд французской кухни и знакомство с культурными традициями.

Интересен и еще один факт. Знаменитый государственный гимн Канады существует в двух вариантах: на английском и французском языках. Английская версия прославляет патриотизм и свободу. А французский вариант гимна содержит такие строки:

Если рука способна меч сжимать,
Только тогда достойна крест держать.
В прошлом твоим славы не счесть –
Дерзких открытий дана тебе честь.

Эти слова – лучший памятник колонистам: миссионерам и первопроходцам, охотникам за пушниной и талантливым администраторам, солдатам и крестьянам, которые подарили своей стране огромные территории.

С потерей канадских владений история французской колониальной империи не закончилась. Однако самые значительные события в ней произошли уже в начале XIX столетия, при Наполеоне. Но это уже, как говорится, другая история...

Наполеон и французские колонии, или Почему его называют могильщиком первой французской колониальной империи

Годом рождения первой французской колониальной империи одни историки условно считают 1546-й, другие – 1605-й. А вот с определением даты ее крушения все единогласны – 1809 год, время правления Наполеона. Именно поэтому за первым императором французов утвердилось нелестное прозвище могильщика этой империи. И это несмотря на то, что при нем площадь французских колоний достигала свыше 8 млн км² – величины, более чем в 12 раз превосходящей территорию нынешней Франции. Правда, большинство из них, особенно в Северной Америке, было завоевано еще во времена Бурбонов.

По сравнению с этим все, что добавилось к заморским владениям страны в результате наполеоновских войн, выглядело гораздо скромнее. Хотя великий полководец за всю свою воинскую карьеру провел 60 сражений, большинство из которых выиграл, масштабы завоеванных им территорий то увеличивались, то сокращались. Ведь, как известно, захватить чужие земли – это только половина дела, главное состоит в том, чтобы их удержать за собой. Вот это-то сделать Наполеону удавалось не всегда.

Его участие в колониальной политике Франции началось с так называемого Египетского похода. Хотя в какой-то мере к ней можно отнести и предшествовавший Египту Итальянский поход 1796–1797 гг., в результате которого у Франции на территории Европы появилось 11 вассальных республик. Позже, благодаря великому завоевателю, она прирастет еще множеством так называемых «дочерних» республик и другими, зависимыми от нее государствами. Эти захваты, по сути, также можно считать своеобразными континентальными колониями Франции. Но об этом мы поговорим позже, в отдельном разделе, который так и называется «„Дочерние республики“, или Колонизация по-наполеоновски». А пока вернемся к пресловутой Египетской кампании Наполеона, нередко называемой историками египетской авантюрой. А еще этот поход до сих пор считается самым экзотичным, экстравагантным и загадочным в биографии великого полководца. И надо сказать, что оснований для подобных определений у исследователей предостаточно. Взять хотя бы их суждения о том, какие цели он преследовал, отправляясь в зону Средиземноморья, и что хотел найти в Египте и других странах Леванта.

По следам Александра Македонского, или зачем Наполеон отправился в Египет

Официальный ответ на этот вопрос связан с извечным противостоянием между Францией и Британией. В 1798 г. после возвращения из Италии генерал Бонапарт был назначен главнокомандующим 120-тысячной английской армией, которая вскоре, по планам Директории, должна была стать армией вторжения на Британские острова. Однако после ознакомления с ее состоянием Наполеон пришел к выводу, что успех будущей кампании не обеспечен ни в военно-морском, ни в финансовом отношении. А потому он отказался от высадки десанта на побережье Ирландии, но не от самой идеи нанесения удара по злейшему врагу Французской республики. Только начать войну с Англией генерал предложил вдали от Британских островов – в далеком Египте, через который пролегали основные торговые сообщения английских купцов с Индией. Сделав его колонией Франции на Красном море, Наполеон хотел тем самым не только нарушить колониальную торговлю Англии, но и использовать эту покоренную страну в качестве форпоста для завоевания Индии. Поэтому предпринятая Бонапартом в 1798 г. экспедиция, по мнению Е. Тарле, должна была стать многоэтапной и длительной. «Не следует представлять себе дело так, – писал историк, – что Наполеон ставил своей целью в один прием, так сказать, завоевать все эти страны и изгнать англичан из Индии. Второй и третий этапы могли последовать и не в 1798, и не в 1799, и не в 1800 гг.

Но что Египет интересовал его главным образом именно как плацдарм для будущего нашествия на Индию, в этом не может быть никакого сомнения».

Такую же точку зрения до недавнего времени разделяли практически все исследователи наполеоновской эпохи. Хотя иногда появлялись и другие версии. По одной из них, в Египет Наполеона погнала прежде всего жажда славы, желание повторить или даже превзойти величие Александра Македонского. После триумфального Итальянского похода он искал нового достойного применения своему полководческому таланту. Причем такого, где воинская слава сочеталась бы с государственной властью. На это указывает автор книги «Наполеон. Победителей не судят» А. Ю. Щербаков, заявляя, что был в наполеоновском «замысле „броска на восток” и чисто прагматический расчет». Он состоял в том, что покорение Египта, несомненно, открыло бы для него путь на властный олимп: «Человек, который преподнесет французам такой подарок, сможет делать все, что ему заблагорассудится. Ему и власть брать не придется. Принесут на блюде с голубой каемочкой. Ради этого стоило рисковать». Наполеон хорошо это понимал, потому и стремился поскорее отправиться в новый поход. «Уже на острове Святой Елены, – пишет Щербаков, – он вспоминал, что в его планы входило вызвать «великую революцию на Востоке»... Вызвать всеобщее восстание и под шумок создать профранцузское государство. А если получится – то и вовсе колонию». Подобную мысль разделяет и автор книги «Короткий век блистательной империи» А. Б. Широкопад: «Бонапарт планировал обосноваться в Египте всерьез и надолго. Поэтому он не забыл даже... большую комиссию из ученых и инженеров». Правда, это утверждение не находит подтверждения в воспоминаниях ближайшего сподвижника Наполеона, министра иностранных дел Шарля Мориса де Талейрана, писавшего, что полководец не думал «об укреплении в Египте, ни вообще в какой-либо стране, которую он покорил бы, стоя во главе французской армии». Но можно ли верить Талейрану, которого, по словам Е. Тарле, «называли не просто лжецом, но „отцом лжи”»?

По другой версии, основной целью полководца было заполучить богатства этой древней восточной страны. И с этим вряд ли можно поспорить. Поскольку, как справедливо отмечает А. Ю. Щербаков, «на самом деле ни одна война в истории не велась ради романтических целей», ибо «слишком это дорогое, кровавое и опасное удовольствие». В основе всех завоеваний всегда

находилось обогащение. Но вряд ли оно служило для Наполеона основной целью и уж, конечно, не было единственной.

А недавно появилось еще одно, весьма своеобразное предположение. Оно содержится в статье Дмитрия Куприянова «Что Наполеон искал и быть может нашел в Египте?», опубликованной в январе 2014 г. Автор категорически не согласен с официальной версией и вот почему: «Обычно, говоря о наполеоновском вторжении в Египет, приводят несколько основополагающих причин, которые при ближайшем рассмотрении не выдерживают никакой критики. Причина первая: у Франции не было нормального флота, чтобы противостоять владычице морей – Британии. Поэтому Бонапарт после возвращения из Италии отправился на север Франции, где тщательно исследовал все возможности для нападения на Британию. В результате чего он пришел к выводу: английский флот с легкостью разобьет французскую экспедицию, так что нападать на Англию через море – бред чистой воды!»

Разумеется, с этим можно было бы согласиться, если бы после этого последовало предположение продолжить завоевания, используя сухопутные маршруты: например, отправиться в Испанию, Австрию или в ту же Россию. Но, отказавшись от плана нападения на Британию, Наполеон тут же предлагает нечто похожее (во всяком случае, опять связанное с морем и использованием флота), только еще более трудноосуществимое – посадить армию на корабли и отправиться завоевывать Египет!

Согласитесь, что план нападения на Британию через Ирландию, где Бонапарта явно подержало бы местное население, ненавидевшее англичан, был куда более прагматичен. Ведь в случае отправки в Египет непременно пришлось бы встретить «радушный прием» Горацио Нельсона и его подопечных, которые хозяйничали не только в Ла-Манше, но и в Средиземном море. В конце концов, Наполеон мог бы потребовать денег на постройку новых кораблей, как это сделал в свое время Петр I, создавший, в отличие от французов, флот – и вовсе на пустом месте. Не было денег? Но на экспедицию в Египет ведь нашлись».

С доводами, приведенными Д. Куприяновым, трудно не согласиться. Действительно, отправляться за тридевять земель и морей с 32-тысячной армией² на завоевание незнакомой страны – не меньшая авантюра, чем имея 120-тысячную английскую армию, но не имея конкурентоспособного флота, нападать на Британию. Почему же Наполеон, будучи трезвомыслящим стратегом и прекрасным аналитиком, посчитал неприемлемым первый вариант и убедил Директорию в необходимости второго? Что руководило им при принятии решения в пользу Египта: авантюризм, мечтательность, расчет или что-то другое? Д. Куприянов дает этому весьма оригинальное объяснение: «Нет, Бонапарт прекрасно отдавал себе отчет в трудности того, что ему предстояло, ведь есть свидетельство Стендаля, который указал: в 1796 г. Директория поручила Бонапарту рассмотреть план вторжения в Египет. Он изучил его и вернул правительству с заключением: это невозможно!»

Но прошло два года, и молодой полководец вдруг решительно переменял свою позицию. Почему? Ответ очевиден: за это время он узнал нечто, что ослепило даже такого трезвого и прагматичного полководца, как Наполеон. Какой мираж заставил его забыть о трудностях морского пути, о недостаточности вооружения, о жаре и решительном настрое египетских мамелюков и турецкого султана?

Нет никакого сомнения, что эта тайна должна была быть совершенно замечательной, преходящей по своему значению все, что было известно до сих пор!»

По мнению Куприянова, отправляясь в Египет, великий полководец преследовал совсем другие, «необъявленные цели». А состояли они в следующем: «На самом деле Наполеона не интересовали ни установление французского протектората над Египтом, ни повторение подвиги-

² По данным А. Манфреда, египетская армия составляла 38 тысяч человек. Другие историки называют численность от 30 до 32 тысяч.

гов Александра Великого, ни египетская селитра, необходимая для производства пороха, как считают некоторые историки, – Бонапарт пришел в Египет за «тайными знаниями»! Так можно назвать колоссальный массив накопленных за несколько тысячелетий знаний, созданных великой египетской цивилизацией. Все, чем был известен Египет – астрономия, астрология, инженерия, механика, одним словом, ключи к тайнам мироздания, – все это хранилось в засыпанных песками пирамидах и заброшенных храмах.

И Наполеон, этот гениальный провидец, первым из великих понял, какие преимущества получит тот, кто завладеет этими ключами».

Насколько правомерно такое утверждение, покажут факты.

К ним-то мы сейчас и обратимся. Прежде всего необходимо заметить, что Наполеон был далеко не первым, кому пришла в голову идея о походе в Египет. По словам одного из лучших исследователей наполеоновской эпохи А. Манфреда, «с того времени как Лейбниц подал Людовику XIV совет овладеть Египтом, идея эта на протяжении всего восемнадцатого столетия не переставала занимать государственных деятелей и некоторых мыслителей Франции». Одним из тех, кто отстаивал ее перед членами Директории, был Талейран, выступивший 3 июля 1797 г. в Национальном институте с докладом «Мемуары о преимуществах новых колоний в современных условиях».

Проанализировав этот и другие многочисленные проекты и планы завоевания Египта, французский историк Франсуа Шарль-Ру утверждал, что «если инициатива египетской экспедиции должна быть разделена в неравной доле между Талейраном, Бонапартом и Директорией, то идея ее никак не может быть им приписана. Эта идея не родилась в законченном виде в человеческом мозгу, она была плодом длительного развития...» И, добавим, имела под собой прочную экономическую основу, поскольку усиление позиций Франции в Египте полностью отвечало задачам французской колониальной политики. Ведь захват Англией ряда французских колоний (Мартиники, Тобаго и др.) фактически привел к почти полному прекращению колониальной торговли. Поэтому Талейран прежде всего видел в завоевании Египта возможное возмещение понесенных Францией потерь. Кроме того, не имея возможности нанести Англии прямой удар, можно было, захватив Египет, помешать британцам использовать дорогу в Индию через Суэцкий перешеек – и одновременно превратить Египет в базу для поддержки турецкого султана, номинального суверена страны. А упадок Османской империи, владевшей им, придавал вопросу о так называемом «турецком наследстве» особую остроту. Таким образом, грызня за овладение лакомой египетской костью становилась еще одним предметом спора в давнем соперничестве Англии и Франции.

В этих условиях, по мнению А. Манфреда, «в самой идее египетской экспедиции не было ничего ни загадочного, ни необычайного». Загадку историк, так же как и Д. Куприянов, усматривал в ином: «Труднообъяснимо другое: как мог Бонапарт, отказавшийся от вторжения на Британские острова ввиду неоспоримого превосходства Англии на море, пренебречь этим же превосходством противника при решении вопроса о десанте на юге Средиземноморского побережья? Ведь если успех вторжения в Ирландию или в иной район Великобритании зависел всецело от «удачи», от «случая», так как французский флот был много слабее английского, то при экспедиции в Египет, когда тихоходным французским кораблям пришлось бы преодолевать большее водное пространство, роль «удачи», «случая» для успеха предприятия была не меньшей, она возрастала. Но в первом варианте Бонапарт считал, что при столь малых шансах он не вправе «рисковать судьбой Франции», во втором, хотя шансы оставались столь же ничтожны, если не меньше, он решился на действия.

Как это объяснить?»

Ответить на этот вопрос не просто. Большинство политиков и даже часть участников египетской экспедиции хорошо понимали ее крайнюю рискованность. Так Мармон, участвующий в подготовке к походу, писал: «Все вероятности были против нас; в нашу пользу не было

ни одного шанса из ста... Надо признаться, это значило вести сумасбродную игру, и даже успех не мог ее оправдать». А вот как оценивал то, что Бонапарт предпочел египетский вариант английскому, Талейран: «Это предприятие независимо от того, удалось бы оно или потерпело неудачу, должно было быть неизбежно непродолжительным, и по возвращении он [Наполеон. – *Авт.*] не замедлил бы очутиться в том самом положении, которого хотел избегнуть».

А что же сам Наполеон? Неужели его полководческое чутье отказало ему, и он решился на рискованную египетскую авантюру из честолюбия или амбициозности? Есть несколько суждений по этому поводу. Наиболее убедительные доводы, объясняющие мотивы, которыми он руководствовался, выбирая Египет, приводит А. Манфред. Прежде всего он напоминает о том, что Бонапарт «по своему темпераменту, по жизненной выучке, по пройденной им политической школе революции был человеком действия». Не найдя общего языка с членами Директории после возвращения из Италии и оказавшись в политическом вакууме, он не мог сидеть сложа руки. Единственным достойным делом могла бы стать высадка десанта на Британские острова, но, изучив все возможности ее проведения, как мы уже знаем, он отверг этот план. При этом генерал руководствовался не тем, что операция была бы слишком кратковременной и безуспешной, а тем, что поражение в битве против Англии видела бы вся Европа. Именно это могло, по мнению Наполеона, иметь катастрофические последствия как для Французской республики, так и для него самого. По сравнению с этим, как пишет Манфред, «Египет, Восток – это все-таки была мировая периферия; что бы здесь ни случилось, это не будет иметь таких катастрофических последствий, как поражение в битве один на один против Англии».

К тому же Наполеон давно вынашивал мечту о походе на Восток. Как писал Мармон, Египет был его любимым детищем еще со времен итальянской кампании. С ним он связывал поистине необозримые планы: надежду поднять греков на освободительную войну, вступление в сговор с индийскими племенами, которые должны были стать его союзниками против англичан, покорение Индии, а может, затем и Константинополя. В частности он говорил: «...господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане». По мнению Наполеона, такое господство было бы благом и для местных жителей:

«...несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного Бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!!» Более конкретные планы и задачи предстоящей кампании сводились им к тому, чтобы разрушить влияние Англии в Египте, прорыть Суэцкий перешеек и «освободить» африканцев от «тирании» мамелюков. Вообще, судя по его «Воспоминаниям и военно-историческим произведениям», он считал себя чуть ли не новым мессией или, по крайней мере, гением, призванным осчастливить не только египетский народ, но и народы соседних с ним стран. Говоря о себе от «третьего лица», полководец заявлял: «Командование Восточной армией представлялось необходимым возложить на Наполеона. Египет, Сирия, Аравия, Ирак ждали такого человека. Турецкая администрация пришла в упадок. Последствия этой экспедиции могли оказаться столь же велики, как счастье и гений того, кто должен был руководить ею».

При таких перспективах в египетском походе было где развернуться честолюбивым помыслам и фантазиям Бонапарта! Недаром он сказал как-то одному из своих сподвижников, Бурьенну: «Европа – это кротовая нора! Здесь никогда не было таких великих владений и великих революций, как на Востоке, где живут шестьсот миллионов людей». Как справедливо заметил Манфред, «ради такого огромного, баснословного, фантастического выигрыша, рисовавшегося его воображению, – подняться выше Александра Великого! – он пошел на безмерный риск». Таким образом, можно заключить, что выбор Наполеоном этого дальнего и изнурительного пути через тридевять морей в чужую и незнакомую страну был продиктован несколькими мотивами одновременно, в числе которых и упомянутые честолюбивые помыслы полководца, и желание наказать ненавистных англичан, и романтика дальних странствий, и многое дру-

гое из вышеперечисленного. Но основной целью все же являлось нанесение политического и, главным образом, экономического удара по Британии. И Египет в некотором смысле оказался наиболее удобным местом для этого, ибо, как справедливо отмечал Ю. Щербаков, «кто сидит на южных и восточных берегах Средиземного моря, имеет выход к Красному – тот контролирует всю торговлю с Востоком». В то время такой «контролирующей» страной была Англия, и хотя формально Египет не был английской колонией, англичане «фактически делали там, что хотели». Приход туда французов должен был покончить с таким положением вещей и значительно расширить горизонты французской колониальной империи.

А как же быть со стремлением великого полководца постичь тайные знания, о котором писал Куприянов? Да, было и оно, конечно. Ведь неслучайно вместе с армией Наполеон взял в Египет целую научную гвардию из 175 ученых. Конечно, утверждать вслед за Куприяновым, что «научная часть экспедиции была ядром этого похода» и «без них экспедиция теряла всякий смысл», было бы преувеличением. Но отношение к представителям науки было действительно очень уважительное и бережное. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в «моменты боя офицеры тут же отдавали команду: „Ученых и ослов – на середину!“», чтобы прикрыть их от случайных пуль и бедуинских копий и сабель. Но как ни велико значение проведенных ими научных исследований в различных областях, археологических изысканий, обнаружения и изучения огромного количества артефактов, основной целью похода считать их было бы неправильно. Что же до тайных или скорее мистических явлений, с которыми Наполеон якобы столкнулся при осмотре захоронений древних фараонов, сведения об этом носят предположительный характер и больше походят на миф. Чтобы разобраться в этом, рассмотрим эту информацию поподробнее.

О загадочных «свиданиях» с мумиями и «силе фараонов»

Большинство из дошедших до нас свидетельств о якобы личном участии Наполеона в осмотре и изучении усыпальниц египетских фараонов принадлежат непосредственным участникам похода. Правда, ссылаясь на них, историки чаще называют их просто очевидцами, без упоминания каких-либо конкретных имен и фамилий. Следует учесть, что в их рассказах наряду с подлинными фактами содержится и немало сомнительных, ничем не подтвержденных утверждений, которые со временем стали основой для толстого слоя мифов, по сей день окутывающего жизнеописание великого полководца.

Как известно, после Абукирской катастрофы, когда в результате гибели французской флотилии армия Наполеона оказалась отрезанной от родной земли, главнокомандующий не впал в уныние и постарался воодушевить своих солдат на новые «великие подвиги», заявив им: «Мы здесь надолго. Возможно, навсегда. У нас много времени, мы можем спокойно обдумывать свои предприятия, заниматься управлением и науками». С этой целью Наполеон организовал в Каире Институт, который по его замыслу должен был стать аналогом французскому. Под руководством этого учреждения привезенная Наполеоном научная гвардия развернула огромную и многогранную работу. Самое большое поле деятельности, по вполне понятным причинам, оказалось у археологов. Они сделали подробные замеры больших и малых пирамид Гизы, вели раскопки не только на поле пирамид в Каире, но и в Фивах, в Долине царей в Луксоре, в Карнаке, в Розетте и в Пелузии. Правда, и до этого ученые археологи не сидели сложа руки. «Пока основная армия вела бои то в Египте, то в Сирии, – пишет Д. Куприянов, – 5-тысячный отряд под командованием любимчика корсиканца – генерала Дезе – прошел в Верхний Египет к острову Элефантина. Там находились древние храмы, которые были осмотрены и исследованы, а все самое ценное – немедленно вывезено. По утверждению некоторых историков, на островах Элефантина и Филе, расположенных в дельте Нила, и было спрятано все самое ценное, на чем зиждилось богатство Древнего Египта. Впрочем, другие считают, что «ученая гвардия» Бонапарта обнаружила усыпальницу Тутанхамона и вынесла оттуда множество погребенных под толщей времени тайн».

Именно с этими исследованиями и связана загадка возможного приобщения Наполеона к тайным знаниям египетской цивилизации. Побывал ли он сам в усыпальницах фараонов, достоверно неизвестно, а мнения исследователей на этот счет неоднозначны. Те, кто отвечает на этот вопрос утвердительно, приводят в качестве «доказательства» такой случай. Как-то раз, выслушав очередного рассказчика, поведавшего о тайнах египетских пирамид, Бонапарт рассмеялся и заявил, что сам посетит самую большую из них – пирамиду Хеопса. Далее современники рассказывали: «На следующее утро будущий император действительно, в окружении своих старших офицеров, прибыл к пирамиде Хеопса и потребовал от служителей, чтобы его ввели внутрь и все показали. От их настойчивых попыток отговорить его не делать этого Наполеон начал впадать в ярость.

Испугавшись, служители ввели его в так называвшуюся «королевскую комнату-усыпальню», оставили одного и тут же вышли наружу, к восседавшим на конях офицерам. Наполеон появился минут через двадцать. От его нетерпеливой горячности не осталось и следа. Лицо его было пепельно-серым, глаза безжизненно тусклыми, глядящими в землю. Не отвечая ни на какие вопросы, он трясущейся рукой поймал повод коня, с трудом влез в седло и молча потрусил в свой штаб. Офицеров томило любопытство.

Что случилось с бесстрашным полководцем в этой проклятой пирамиде, что он весь день сидит сам не свой, не ест, не пьет, не разговаривает? Уже вечером адъютант капитан Жере все же осмелился обратиться к Наполеону с вопросом, не вызвать ли ему врача и не поделится ли он тем, что так сильно угнетает его дух. Подошли рядом стоящие офицеры, среди них врач,

окружили Наполеона. Внезапно Наполеон закрыл ладонями глаза и, медленно покачиваясь из стороны в сторону, с глухим стоном воскликнул: «О, Господи! Да зачем это нужно! Ведь все равно не поверите!» – Через несколько секунд он пришел в себя, молча кивнул офицерам и удалился в спальню. Разговора этого больше никогда не начинали, и тайна увиденного в пирамиде Хеопса умерла с развенчанным императором Франции в 1821 году».

Есть еще более невероятное предположение о том, что Наполеон якобы пробыл в подземелье три дня, которые пролетели для него, как три часа. Вот как об этом пишет Д. Куприянов: «Существуют свидетельские показания участников похода, согласно которым Наполеон лично исследовал пирамиду Хеопса и даже провел там чуть ли не целых три дня! Когда его, бледного и печального, вывели из каменных лабиринтов и спросили: „Что вы видели?“, великий полководец чуть слышно прошептал: „Вы все равно не поверите!“»

Хотя историками этот рассказ воспринимается ни много ни мало как занимательный анекдот, какие-либо достоверные свидетельства того, что будущий император не спускался в погребальную камеру фараона, тоже отсутствуют. Единственным доводом тех, кто опровергает его пребывание внутри пирамиды, является то, что сам Наполеон, любивший рассказывать об интересных случаях во время этой экспедиции, лишь коротко упоминает о посещении пирамид.

Впоследствии это послужило Гете основанием для того, чтобы утверждать: «...то, что он спускался в пирамиды – миф.

Он спокойно стоял на свежем воздухе и слушал рассказы тех, кто побывал в подземельях». Но как Гете может быть в этом уверен, если сам при этом не присутствовал?

Современники Наполеона из уст в уста передавали еще один занимательный рассказ, окутанный неким мистическим флером. «Бонапарт потребовал вынести ему саркофаг с телом Рамсеса Великого. «Вам любопытно, мой генерал?» – спросил Жюно. «Я хочу посмотреть на человека, которого даже его враги считали богом, на Великого Фараона, жившего за пять столетий до Эллады и за тысячу лет до Рима». Немного помолчав, произнес: «Египтяне – самый великий народ из живших когда-то на этой Земле – только у них Смерть не была всемогуща! Они лишили её первородного права глумиться над лицами самых красивых женщин и самых великих правителей! Бросить смерти вызов... Как эти Пирамиды. О Фараонах будут помнить вечно!» Из тайного зала дворца Султана вынесли открытый саркофаг с мумией Рамсеса. Как велел Бонапарт, его поставили, прислонив к полуразрушенной стене древнего храма... Мумия была как живая! «Господи, мне кажется, он дышит!» – произнес Бонапарт, давно я не слышал от него имени Создателя. Бонапарт встал перед мумией, скрестив руки на груди, почти так же, как скрещивали руки египтяне, скрещивали руки своим умершим властителям. Так, под палящим солнцем Востока, Бонапарт, не проронив ни слова, смотря прямо в лицо мертвого великого Фараона, простоял почти два часа». Об этом эпизоде упоминает и Д. Куприянов. Видимо, именно тогда, по его мнению, великий французский полководец как бы «заглянул в глаза Вечности» и египетские мумии все же поделились «с воинственным корсиканцем своими тайнами». И какие тут нужны доказательства, восклицает журналист, когда «его невероятная биография говорит сама за себя...» Отсюда он делает заключение о том, в чем состояла сила и непобедимость Наполеона: «Тайные знания, похищенные у египетской цивилизации, – вот что стало его подлинной армией, ведущей от победы к победе».

В чем состояли эти «тайные знания», сказать никто не может (на то они и тайные). Иногда их называют «силой фараона», силой, которая открывает перед человеком путь к неограниченной власти. И будто бы именно ею мумии наделили Наполеона. Такой же силой якобы обладала и гигантская статуя древнеегипетского бога Сета³, которую он привез после возвращения из

³ Сет – в древнеегипетской мифологии бог ярости, песчаных бурь, разрушения, хаоса, войны и смерти. В период Древнего царства наряду с Гором он считался богом – покровителем царской власти.

Египта в Париж. В связи с этим А. Б. Широкоград в своей книге «Короткий век блистательной империи» пишет: «...во время войны 1812 года, когда статую переправляли по Сене, случилась авария, и статуя утонула. Хронологически именно после этого события наступил перелом в войне и Наполеон стал стремительно терять свое влияние и могущество». Но если следовать этой «мистической» логике, то невольно возникает вопрос, почему великий полководец потерпел фиаско в самом Египте, где, собственно, и обрел этот дар фараонов? Да и задолго до войны с Россией, в 1807 г., будучи уже императором и практически властелином всей Европы, он потерпел неудачи в Испании и Португалии. Так что не стоит связывать победы и поражения, взлеты и падения великого корсиканца с действием каких-то таинственных сил, тем более, что кроме вышеизложенных рассказов никаких других подтверждений тому не существует. Ученые даже не могут с уверенностью сказать, побывал ли сам Наполеон в местах археологических исследований. Так, автор книги «Тайны египетской экспедиции Наполеона» А. Ю. Иванов считает единственным достоверным фактом то, что Бонапарт сам «посмотрел вблизи и замерил великие пирамиды», «провел в этом районе несколько дней и совершил поездки по пустыне в направлении Малого оазиса». А вот известный американский египтолог Боб Бриер заявляет, что «Наполеон никогда не видел Долины царей, потому что в Каире вспыхнуло восстание».

Как это ни огорчительно для любителей мистики, но им придется согласиться с тем, что описанные современниками «свидания» Наполеона с мумиями фараонов не что иное, как часть огромного мифотворчества, создание которого активно поощрялось им самим. В Египетском походе, как и в последующих событиях его жизни, можно обнаружить тому немало примеров. Кстати, именно благодаря одному из таких мифов Наполеону удалось превратить свое поражение в Египте в очередную блестящую победу.

Как «египетский мираж» обернулся триумфом

Начало Египетского похода было действительно чрезвычайно стремительным и успешным. Наполеону удалось обвести вокруг пальцев охотившегося за ним адмирала Нельсона, по дороге молниеносно захватить Мальту и менее чем за месяц покорить большую часть Египта. В воспоминаниях великого полководца все эти события скупо отражены всего лишь в нескольких строчках: «В 1798 г. французская эскадра прибывает к Александрии 1 июля в 10 часов утра. В тот же день она высаживает десант. На следующий день армия овладевает Александрией. 13-го она дает битву, 21-го – другую. 23-го она вступает в Каир; мамелюки уничтожены. Весь Нижний Египет с его столицей подчиняются за 23 дня».

Не менее интенсивно занимался он и организацией управления на завоеванных территориях. 24 июля Наполеон торжественно вошел в Каир. И с этого времени в течение трех лет над древними пирамидами Египта будут развеваться трехцветные знамена Французской республики, а жизнь египетской столицы – подчинена новому политическому режиму. Характеризуя организацию управления в завоеванной французами стране, академик Е. Тарле писал: «...во-первых, власть должна была быть сосредоточена в каждом городе, в каждом селении в руках французского начальника гарнизона; во-вторых, при этом начальнике должен находиться совещательный «диван» из назначенных им же наиболее именитых и состоятельных местных граждан; в-третьих, магометанская религия должна пользоваться полнейшим уважением, а мечети и духовенство – неприкосновенностью; в-четвертых, в Каире при самом главнокомандующем должен состоять тоже большой совещательный орган из представителей не только г. Каира, но и провинций. Сбор податей и налогов должен был быть упорядочен, доставка натурой должна быть так организована, чтобы страна содержала французскую армию за свой счет. Местные начальники со своими совещательными органами должны были организовать исправный полицейский порядок, охранять торговлю и частную собственность. Все земельные поборы, взимаемые беями-мамелюками, отменяются. Имена непокорных и продолжающих войну беев, бежавших к югу, отбираются во французскую казну.

Бонапарт и тут, как и в Италии, стремился покончить с феодальными отношениями, что было особенно удобно, так как именно мамелюки поддерживали военное сопротивление, и опереться на арабскую буржуазию и на арабов-землевладельцев; эксплуатируемых же арабской буржуазией феллахов он отнюдь не брал под защиту.

Все это должно было закрепить основы безусловной военной диктатуры, централизованной в его руках и обеспечивающей этот создаваемый им буржуазный порядок».

Но несмотря на все усилия французского главнокомандующего, он так и не вызвал расположения со стороны местного населения ни к себе, ни к своим товарищам по экспедиции. И, как писал А. Манфред, оказался в Египте «в социальном вакууме». Напуганные каирцы молча встретили завоевателя. Они ничего не слышали о Наполеоне, не понимали, кто он такой, для чего явился в их страну и почему воюет с ними. И хотя он даже издал специальное воззвание к египтянам, переведенное на местное наречие, с призывом к успокоению, ему не очень верили. Ведь это были лишь слова, а в действительности каирцы стали свидетелями расправ французов с местным населением. К примеру, по приказу Бонапарта было разграблено и сожжено село Алькам, жителей которого заподозрили в убийстве нескольких солдат. Но не только подобные карательные меры мешали найти ему общий язык с населением. Неприемлемым оказался сам подход Наполеона к жизненному укладу народов Востока. «Ошибка его состояла в том, – писал А. Ю. Щербаков, – что он мерил египетскую жизнь европейскими мерками. По той причине, что других он просто не знал. Конечно, восточные порядки казались европейцам дикими, власть мамелюков – деспотией, от которой те рады будут избавиться. А у арабов, как оказалось, были иные представления о жизни». В соответствии с ними далеко не все арабы были

восхищены тем «освобождением от тирании мамелюков», о котором он постоянно говорил в своих воззваниях к египетскому народу.

Очень точно это положение, создавшееся в Египте с приходом французов, обрисовано А. Ю. Ивановым в его книге «Тайны египетской экспедиции Наполеона». «Вихрем ворвавшись в загадочный мир Востока, – пишет он, – Бонапарт затронул и нарушил связи настолько чужеродные и непонятные европейцу, что при ближайшем их рассмотрении тому становится не по себе». И далее уточняет, что этот молодой, 29-летний генерал Французской республики «во главе своей армии решительно потревожил периферию Оттоманской империи, вторгнувшись во владения египетских мамелюков».

В отличие от Наполеона, его враги англичане, по мнению Щербакова, «разобрались в психологии арабов гораздо лучше»: «Нахапав колоний по всему белу свету, они никогда не пытались захватить Египет. Предпочитая «влиять». Наполеона же опять подвело отсутствие стратегического мышления. Как оно будет подводить его во всех случаях, когда дело не будет сводиться лишь к военному разгрому неприятеля».

Вскоре, по словам Е. Тарле, Бонапарт все же понял, что, в отличие от Италии, его армия в Египте может рассчитывать только на узковоенные средства достижения успеха: «Социальный аспект войны оказался почти полностью исключенным. Это имело трагические последствия для французской армии: превратившись из армии освободительной, какой она в конечном счете была в Италии и намеревалась остаться на Востоке, в армию завоевателей, она стала неизмеримо слабее; при своей малочисленности и большой удаленности от основных баз она была обречена рано или поздно на поражение». Считается, что это поражение значительно ускорило гибель французской эскадры 1 августа 1798 г., из-за которой армия Наполеона, по сути, оказалась в мышеловке. Следующим ударом стала волна крупных мятежей, прокатившихся в Розетте, Александрии и Даманхуре, и завершившаяся в конце октября большим восстанием в Каире. А в конце года после завершения борьбы с мятежниками армию Наполеона ждало новое испытание: на этот раз вызов ей бросила Османская империя, сосредоточившая против нее в Сирии «бесчисленную» армию под командованием сераскера Ахмеда Джеззар-паши, по прозвищу Мясник. Чтобы упредить ее нападение, великий полководец с 13 тысячами солдат в начале февраля 1799 г. отправился на святую землю Леванта. На что же рассчитывал дерзкий корсиканец, выступив с небольшой армией против несметных полчищ Джеззар-паши и всех, кто к ним присоединился? Как всегда, на силу французского оружия, высокие профессиональные качества своих генералов, революционную поддержку сирийских христиан, а еще... на удачу. И она снова на какое-то время оказалась на его стороне. Когда после 12 суток изнурительного перехода под палящим солнцем через великую пустыню и Суэцкий перешеек французы появились у города Аль-Ариша (Эль-Ариша), внезапность нападения и убийственный огонь из гаубиц сделали свое дело – крепость сдалась на милость победителей. Потом без боя была взята Газа, после недельной осады – Яффа, затем – Хайфа, а к середине марта – уже завоевана вся Палестина.

Но вскоре французской армии пришлось столкнуться с куда более страшным и безжалостным врагом, нежели турки – с бубонной чумой. Болезнь вызвала панический страх у солдат, а Бонапарт, чтобы избежать эпидемии, срочно приказал уничтожить все захваченное ими при разграблении Яффы. Эта мера оказалась важной, но запоздалой. Заболевших с каждым днем становилось все больше (в частности, сам Наполеон сообщал о семистах), а положение с их лечением все ухудшалось: госпитали, открытого в монастыре монахов Ордена святой земли, уже не хватало, сами монахи, ранее помогавшие армии, заперлись и больше не желали общаться с больными, а часть санитаров дезертировала. Большинство исторических источников сообщают о том, что Наполеон, стремясь собственным примером подавить панику, посетил барак, в котором лежали чумные больные. В своих воспоминаниях он описывал это событие так: «Одной из особенностей чумы является то, что она более опасна для тех, кто ее боится;

почти все, кто позволил страху овладеть собой, умерли от нее. Главнокомандующий избавился от монахов Ордена святой земли, послав их в Иерусалим и Назарет; он лично отправился в госпиталь, его присутствие принесло улучшение больным; он приказал оперировать нескольких больных в своем присутствии, бубоны проткнули, чтобы облегчить наступление кризиса; он прикоснулся к тем, которые казались наиболее потерявшими присутствие духа, чтобы доказать им, что они страдают обычной, незаразной болезнью. Результатом всех принятых мер явилось сохранение армией уверенности в том, что это не чума; лишь несколько месяцев спустя пришлось все же согласиться с тем, что это была чума».

Этот рассказ давно стал хрестоматийным. Все ли в нем действительно было так, как об этом поведал сам Наполеон, трудно сказать. Тем более что некоторые его современники подвергали сомнению даже сам факт посещения им чумного барака. Среди них знаменитый член Французской академии, дипломат и писатель Франсуа-Рене де Шатобриан, который утверждал, что Наполеон туда «на самом деле даже не заглядывал». А некоторые исследователи, допуская факт посещения им госпиталя, указывают на то, что, помимо указанной цели, он преследовал еще одну, более для него существенную. Она состояла в том, чтобы развеять слухи о данном им врачу приказе отравить заболевших. Надо признать, что слухи эти действительно имели место и возникли неспроста. Очевидцы рассказывали, что 27 мая 1799 г., покидая Яффу, полководец столкнулся с трудной дилеммой: если вывезти больных чумой вместе с ранеными, то можно заразить всю армию, если же оставить их в городе, то с ними расправятся турки. Вот тогда-то он якобы и принял это страшное решение: отдал приказ полковому врачу Николя Рене Деженетту-Дюфришу дать пациентам большую дозу опиума. Но тот отказался его исполнить. О судьбе этих больных и раненых говорили разное: одни утверждали, что их было около 30 человек и вместе с арьергардом наполеоновской армии они были вывезены англичанами, другие увеличивали их число, по меньшей мере, до нескольких сотен и заявляли, что все они были отравлены по приказу Бонапарта.

Свидетельства очевидцев отступления французской армии из Сирии также весьма противоречивы. К примеру, Стендаль в своей книге о великом полководце писал: «Во время отступления от Сен-Жан-д'Акр Ассалини⁴, подавший главнокомандующему рапорт, из которого явствовало, что перевозочных средств для больных не хватает, получил приказ выехать на дорогу, захватить там всех обозных лошадей и даже отобрать лошадей у офицеров. Эта суровая мера была проведена полностью, и ни один из больных, на исцеление которых, по мнению врачей, оставалась хоть какая-нибудь надежда, не был брошен». А вот другой, близкий к Наполеону участник похода – его секретарь Луи Антуан Фовель де Бурьенн, вспоминал: «Я видел, что сбрасывали с носилок изувеченных офицеров, коих приказано было нести и которые даже заплатили за этот труд деньги. Я видел, что покидали в степи изувеченных, раненых, зачумленных или даже только подозреваемых в зачумлении. Шествие освещалось горящими факелами, коими зажигали городки, местечки, деревни и покрывавшую землю богатую жатву. Вся страна пылала». Правда, ни Бурьенн, ни кто-либо другой из числа приближенных к полководцу не упоминают об отравлении больных чумой.

Между тем слухи о том, что Наполеон убивал своих раненых и больных, продолжали расти и множиться даже после его возвращения из Египта. Они распространялись как солдатами и офицерами французской армии, так и англичанами. Чтобы избавиться от этих обвинений, Наполеон велел запечатлеть свое посещение чумного барака на картине. По словам Боба Бриера, «полководец умел делать красивые жесты» и потому велел художнику изобразить, как он, «подражая жестам целителей, касается больных и умирающих». По той же причине «мерт-

⁴ Итальянский военный хирург Пьетро Ассалини, участник Египетского похода. Несмотря на то что он недолюбливал Наполеона, признавал, что тот проявлял заботу о больных и раненых солдатах.

вый солдат был изображен живым, а сам госпиталь – гораздо большим и лучшим, чем он был на самом деле». Так, по мнению Бриера, родилась еще одна наполеоновская легенда.

Только спустя 15 лет, находясь уже в ссылке на о. Св. Елены, бывший император французам вынужден был признать, что в слухах об отравлении «есть доля правды». А состояла она, по его словам, вот в чем: «...у меня было сто человек, безнадежно больных чумой: ежели бы я их оставил, то их всех перерезали бы турки, и я спросил у врача Деженетта, нельзя ли дать им опиум для облегчения страданий: он возразил, что его долг только лечить, и раненные были оставлены. Как я и предполагал, через несколько часов все они были перерезаны».

Красочный рассказ о посещении больных чумой в Яффе был не первым и не последним мифом Египетского похода. Следующий был создан после безрезультатной осады крепости Сен-Жан-д'Акр (турки называли ее Аккой или Акрой), укрепленной массивными стенами. Одолеть этот «твердый орешек» было очень нелегко, но Наполеон считал, что сама «судьба заключена в этой скорлупе», и был намерен во что бы то ни стало расколоть его. Как писал А. Манфред, «за Сен-Жан-д'Акром открывалась дорога на Дамаск, на Алеппо; он уже видел себя идущим по великим путям Александра Македонского. Выйти только к Дамаску, а оттуда стремительным маршем к Евфрату, Багдаду – и путь в Индию открыт!» Но стремительного марша не получилось. Наполеоновская армия, измученная болезнями и палящим солнцем, подошла к городу только 18 марта. По мнению историков, приди она на три дня раньше, город был бы взят без проблем. Как оказалось, именно эта потеря времени стала для французам роковой.

Надолго увязнув под стенами Акры, французская армия с каждым днем теряла людские силы, боеприпасы, технику, восполнить которые было нечем. К маю положение ее стало катастрофическим. Анализируя его, А. Манфред задавался вопросом: «Шестьдесят два дня и ночи длилась осада и штурм Сен-Жан-д'Акра; потери убитыми, ранеными, заболевшими чумой возрастали. Погибли генералы Кафарелли, Бон, Рамбо, еще ранее был убит Сулковский. Ланн, Дюрок, многие офицеры получили ранения. Не грозила ли всей французской армии опасность быть перемолотой под стенами Сен-Жан-д'Акра?» Видимо, этот же вопрос задавал себе и Бонапарт, и ответ на него страшил великого полководца. Он хорошо понимал, что длительное двухмесячное сражение у Акры, в котором он потерял 1200 убитых, 1000 умерших от чумы и 2300 раненых⁵, проиграно и скоро это станет очевидным для всех. Теперь Наполеона волновало не столько то, как сберечь остатки армии, сколько то, как выйти из безнадежного положения с высоко поднятой головой. Он уже не думал о грандиозном походе в Индию, но и уйти из Сирии нужно было красиво.

Осада Сен-Жан-д'Акра была снята 20 мая, и под покровом ночи французская армия бесшумно покинула позиции. Но чтобы замаскировать ее отход, Наполеон велел еще в течение шести дней вести удвоенный артиллерийский обстрел крепости. В обращении к солдатам он много распространялся о подвигах, о славе, победах, ни слова не сказав о подлинных причинах ухода из Сирии. Вместо этого отступление он объяснил необходимостью решения новой стратегической задачи: «Через несколько дней вы могли надеяться захватить самого пашу в его же дворце. Но в это время года взятие замка Акры не стоит потери нескольких дней. К тому же храбрецы, которых мне пришлось бы там потерять, необходимы сегодня для более важных операций».

Эти высокопарные слова уже не могли никого обмануть, а говорились они для того, чтобы измученные легионеры, готовые уже взбунтоваться против главнокомандующего, и на этот раз покорно последовали за ним. Кроме того, приказ по армии – это исторический документ, так разве мог он допустить в нем слово «поражение»? Наполеон вообще отличался умением

⁵ По данным, приведенным врачом Аленом Жераром, общая цифра французских потерь в Сирийском походе составила 4945 человек.

создавать «нужные и правильные» документы. К их числу можно отнести боевые листки Итальянской армии, обращения к солдатам и населению Египта, приказы и бюллетени Великой армии, а также многочисленные реляции и депеши. Именно такую абсолютно лживую депешу он отправил в Каир после провала штурма Акры. В ней он беззастенчиво заявлял: «Я сравнял с землей дворец Джеззар-паши и укрепления Акры, и обстрелял город так, что в нем не осталось камня на камне, и превратил их в кучу обломков, так что люди спрашивают, стоял ли когда город на этом месте...» В дополнение к этому Наполеон послал впереди себя генерала Бойе, который должен был оповестить каирские власти о возвращении победоносной французской армии. Поэтому неудивительно, что в результате всех этих приготовлений главнокомандующий 14 июня торжественно въехал в Каир как победитель.

Но как бы умело ни маскировал Наполеон свои неудачи, превращая их в достижения, все эти ухищрения вряд ли могли кого-то обмануть. Истинное положение выглядело, по мнению А. Иванова, во всех отношениях не в его пользу: «Кажется, что весь мир против него. Флот уничтожен, связь с Францией оборвана, более пяти тысяч его солдат погибли в Египте и в Сирии, а подкреплений нет. Со всех сторон ему доносят о подготовке новых восстаний, а в большой мечети Каира нашли 5 тысяч ружей, много патронов, копий и пик. Не удалось договориться ни с султаном, ни с бейями (он обращался к ним неоднократно). Провальный Сирийский поход опустошил казну Восточной армии. В штабе заговор: Бонапарта хотели схватить и доставить в Александрию договариваться с англичанами (возьмите назад свой Египет, но верните нас на родину!)».

В этих условиях даже блистательный и долгожданный реванш за разгром французской флотилии, который удалось 8-тысячной армии Наполеона получить 25 июля 1799 г. под Абукиром, уже ничего не мог изменить. Эта победа над 15-тысячной армией янычар во главе с Мустафой-пашой, оказавшаяся для него последней в Египетской кампании, только ненадолго отсрочила ее бесславный конец. Он хорошо осознавал, что его планы колонизации Египта провалились, а сам он, не имея флота и подкреплений, остался отрезанным от метрополии. Рано или поздно все поймут, что его армия приближается к катастрофе, которую можно лишь отсрочить, но нельзя избежать. Так пусть это случится уже в его отсутствие. По словам автора книги «60 сражений Наполеона» В. Бешанова, великий полководец решил действовать по принципу: если невозможно спасти проигранную кампанию, то «спасти самого себя, бежать от унижения, хотя и с риском, было реально». К тому же к этому шагу его подталкивали и последние события во Франции. Там Директория, слабая, растерянная и ненавистная большинству граждан, теряла прежние завоевания Республики одно за другим. И Бонапарт, давно принявший решение о возвращении во Францию, где он видел для себя возможность прийти к власти, понял, что настал самый подходящий для этого момент. Позднее в своих воспоминаниях он напишет о себе, как всегда в третьем лице: «В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе; все говорило ему, что момент, назначенный судьбой, настал!!!»

Конечно, как главнокомандующий Наполеон не мог сказать о подлинных мотивах отъезда из Египта своим солдатам. Для них в оправдание своих действий он приводил самые благовидные причины, главная из которых заключалась в том, что он должен был, ни много ни мало, спасти Францию! Его последний приказ по армии был коротким и сухим: «Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командуящую армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим». Обещая вернуться к оставляемой им в Египте армии, Бонапарт конечно же лукавил. Но и посвящать в свои подлинные планы он никого не собирался.

Неправдой было и то, что французское правительство якобы разрешило генералу вернуться на родину. На его письмо с просьбой об этом ответа от исполнительной Директории он так и не дождался. А без приказа свыше он, как офицер, не имел права покидать свой пост, ибо такой поступок мог быть расценен как дезертирство. Однако великий полководец и здесь вышел сухим из воды. Вот что писал он по этому поводу в своих воспоминаниях: «Ему была предоставлена от правительства свобода действий как в отношении мальтийских дел, так и в отношении египетских и сирийских, равно как и константинопольских и индийских. Он имел право назначать на любые должности и даже избрать себе преемника, а самому вернуться во Францию тогда и так, как он пожелает. Он был снабжен необходимыми полномочиями (с соблюдением всех форм и приложением государственной печати) – для заключения договоров с Портой, Россией, различными индийскими государствами и африканскими владетелями». Несмотря на то что никаких подтверждений предоставления Наполеону описанной здесь свободы действий нет, некоторые исследователи относятся к его поступку одобрительно. В частности, А. Б. Широкоград пишет: «Формально отъезд генерала Бонапарта без приказа из Парижа являлся чистой воды дезертирством. Однако с точки зрения военной стратегии, а главное – большой политики, это был гениальный ход».

Сегодня, когда мы знаем, чем закончилась эта «самоволка» Наполеона и как быстро ему удалось стать сначала Первым консулом, а вскоре и императором французов, конечно, легко говорить о том, что его решение о возвращении во Францию было гениальным и своевременным. Но ведь все могло закончиться совсем по-другому. Директория, несмотря на отсутствие поддержки в обществе, все еще оставалась у власти. И если она, опасаясь популярности молодого генерала, хотела избавиться от него, более года тому назад отправив в далекий и рискованный поход, то что мешало ей теперь привлечь его к ответу как дезертира и навсегда расправиться с зарвавшимся «корсиканским выскочкой»? Но вместо этого вскоре после его появления в Париже правительство Директории устроило пышный банкет в честь... «празднования успеха в Египте».

Как же удалось полководцу очевидное бегство от поражения превратить в триумф?

Все объясняется очень просто. Не только во время Египетской кампании но и на протяжении всей своей военной и политической карьеры Наполеон проявлял удивительное умение выдавать плохие новости за хорошие, а хорошие – за триумф. И это его качество действительно можно считать гениальным. Вернувшись из Египта, он с обезоруживающей простотой и без всякого стеснения нарисовал перед парижанами радужную картинку своих завоеваний: «...он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии; захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели». Кстати, точно так же позднее Бонапарт будет говорить и о губительной для французской армии кампании 1812 года: «Я разбил русских во всех пунктах». Еще позже он с такой же интонацией скажет о Лейпцигской битве, в которой окончательно потеряет Европу: «Французская армия вышла победительницей». Все это расходилось с реальностью, но ему почему-то верили. Уж очень убедительным был его рассказ о далекой стране, о которой европейцы знали лишь понаслышке. «Египет, – писал Бонапарт правительству, – огражден от любого вторжения и полностью принадлежит нам!.. Газеты я получил лишь в конце июля и тотчас вышел в море. Об опасности и не думал, мое место было там, где мое присутствие казалось мне наиболее необходимым. Это чувство заставило бы меня обойтись и без фрегата и, завернувшись в плащ, лечь на дно первой попавшейся лодки. Я оставил Египет в надежных руках генерала Клебера. Когда я уезжал, вся страна была залита водой: Нил никогда не был так прекрасен за последние пятьдесят лет». После таких пафосных реляций не приходится удивляться ни банкету, ни тому, что улица Шантерен, где находился особняк Бонапарта и Жозефины, в честь его побед была переименована в улицу

Виктуар. А еще в том же 1799 г. «триумф» полководца был запечатлен в двух медалях. Одна называлась гордо и величаво – «Бонапарт – освободитель Египта», на другой этот «освободитель» был изображен как римский император, въезжающим в Египет на колеснице, запряженной... верблюдом.

В действительности же Египетский поход Бонапарта, продиктованный англо-французским соперничеством, принес немало несчастий как арабскому миру, так и самим французам. Победы, одержанные им над мамелюками, не стали для египтян «освобождением от поработителей», а самой Франции стоили многочисленных жертв. Наполеону не удалось ни организовать «великую революцию» на Востоке, ни создать там свою колониальную империю с цветущей экономикой. Единственным положительным моментом можно считать привнесение в страны Востока духа новой Европы, огромную исследовательскую работу, проделанную французскими учеными по изучению египетских древностей. «То, что было собрано французскими учеными в Египте, – справедливо пишет Д. Куприянов, – невозможно переоценить – этот груз знаний и тайн привел не только к появлению множества новых научных областей (например, египтологии, произведшей революцию в истории), но и к перелому в жизни человечества».

После того как 24 декабря 1799 г. Наполеон стал Первым консулом Франции, ни о каком возвращении к оставленной им в Египте армии не могло быть и речи. Да и возвращаться было уже не к кому: 15 сентября 1801 г. после подписания мира между Англией и Францией последний французский солдат покинул эту страну. Египетская авантюра бесславно закончилась. Но и после этого, как писал А. Иванов, «Первый консул изучал возможности нового вторжения в Африку и Азию». Правда, позднее его внимание переключилось на американский континент. Но прежде чем углубиться в перипетии колониальных захватов там, давайте ненадолго вернемся к периоду Итальянских кампаний и тому, как Наполеон путем завоевательных походов пытался всю Европу превратить в своеобразную французскую колонию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.